

ПЕРМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

АССАМБЛЕЯ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ

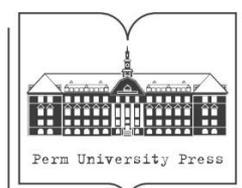
КРИЗИСЫ И КОНФЛИКТЫ:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ РЕАЛЬНОСТИ
И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ
ПОЛИТОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

АССАМБЛЕЯ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ
КРИЗИСЫ И КОНФЛИКТЫ:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ РЕАЛЬНОСТИ
И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ПОЛИТОЛОГИИ

*Материалы
всероссийской научной конференции
(г. Пермь, ПГНИУ, 27-28 октября 2023 г.)*

Пермь 2024

УДК 32
ББК 66.2
А909

Ассамблея молодых политологов. Кризисы и конфликты: политические вызовы реальности и современные вызовы политологии [Электронный ресурс] : материалы всероссийской научной конференции (г. Пермь, ПГНИУ, 27–28 октября 2023 г.) / Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2024. – 1,50 Мб ; 80 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/Assambleya-molodyh-politologov-Krizisy-i-konflikty-politicheskie-vyzovy-realnosti-i-sovremennye-vyzovy-politologii.pdf>. – Заглавие с экрана.

ISBN 978-5-7944-4159-8

Настоящее издание является сборником материалов всероссийской научной конференции «Ассамблея молодых политологов. Кризисы и конфликты: политические вызовы реальности и современные вызовы политологии», состоявшейся 27–28 октября 2023 года в Пермском государственном национальном исследовательском университете. В конференции приняли участие молодые исследователи из крупных университетов и научных институтов Российской Федерации: Воронежский государственный университет, Институт философии и права РАН, Кубанский государственный университет, Московский государственный институт международных отношений МИД РФ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Северный (Арктический) федеральный университет, Удмуртский государственный университет, Уральский федеральный университет, Ярославский государственный университет.

УДК 32
ББК 66.2

*Издается по решению ученого совета историко-политологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета*

Рецензенты: старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН канд. полит. наук **Т. Б. Витковская**;

доцент департамента зарубежного регионоведения, старший научный сотрудник ЦКЕМИ НИУ «Высшая школа экономики», канд. полит. наук **С. А. Шейн**

ISBN 978-5-7944-4159-8

© ПГНИУ, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Электоральная политика

- Нуртдинова Р.Н.* Электоральное поведение: динамика влияния агентских факторов на уровень поддержки «Единой России»5
- Субботина А.А.* Конфликты на конкурсах по избранию местных глав: методика операционализации в количественных исследованиях.....8
- Неволин С.Ю.* Идеологические особенности отделений Республиканской партии США в «синих» штатах 12
- Назарова Н.А.* Правые партии-евроскептики на национальных и европейских выборах в 2010–2020 годы..... 15

Региональная и локальная политика

- Делов И.Е.* Расширение неэлекторального участия: партисипаторное бюджетирование в Санкт-Петербурге 19
- Лычев Г.Д.* Взаимодействие региональных омбудсменов с Конституционным Судом РФ как новый виток строительства конституционализма в России 22
- Фазылханова К.Р.* Факторы досрочного ухода глав муниципальных образования в Российской Федерации 25
- Кузнецов Д.В., Пустовалова В.А.* Власть и бизнес в муниципалитетах Кизеловского угольного бассейна: интересы, ресурсы, стратегии 28

Политические процессы в зарубежных государствах

- Бородин Е.К.* Динамика европозитивизма стран Еврозоны в контексте Европейского долгового кризиса 31
- Давыдов В.Ю.* Сравнительный анализ деятельности саамских общественно-политических организаций в циркумполярных государствах 35
- Поварешкин Л.В., Смыковский Е.А.* Языковая политика и коренные малочисленные народы государств Арктики: сравнительный анализ 38
- Стец К.* Опыт гендерной политики стран Скандинавии в преодолении кризисных явлений..... 40
- Торгуд А.И.* Современный национализм в Эстонии: языковая политика и конструирование национальной идентичности..... 43

Международные отношения

- Оборин Г.Р.* Энергетическая политика стран Европейского Союза в контексте санкций в отношении Российской Федерации 46
- Жданов А.А., Имамов Г.З., Карпусь В.А., Тихонов Н.А.* Эволюция центральноевропейской идентичности 48

<i>Курбанов Н.И.</i> Перспективы развития туркмено-таджикских экономических отношений	51
<i>Некрасов В.А.</i> Проблема признания de facto государств в современном мире.....	53
<i>Овчарук А.В.</i> Экологическая дипломатия в странах Восточной Азии на примере китайского Тяньцзиня	56

Политическая коммуникация

<i>Васильева Д.А.</i> Особенности восприятия контента политических субъектов как фактор мотивации к участию в политической коммуникации в социальных сетях	58
<i>Кетова Д.А.</i> Рэп как канал политической коммуникации молодежи	60
<i>Панчукова Т.А.</i> Публикуй и властвуй: особенности политического дискурса медийных представителей российской власти в Телеграм	62

Историческая политика и история политики

<i>Грибовод Е.Г., Иванов Д.С.</i> Спорт в контексте политики памяти: вызовы и возможности	66
<i>Минайленко П.А.</i> Политика памяти в отношении Томаса Джефферсона в США в XXI веке	69
<i>Фисюков В.А.</i> Забвение травматического прошлого: отзыв прокатного удостоверения у фильма «Голод».....	72
<i>Зверева М.С.</i> Концепция преодоления социально-политического кризиса в доктрине Сен-Симона	75
<i>Юберова М.А.</i> Франкизм: предпосылки и идеология	77

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ДИНАМИКА ВЛИЯНИЯ АГЕНТСКИХ ФАКТОРОВ НА УРОВЕНЬ ПОДДЕРЖКИ «ЕДИНОЙ РОССИИ»

Нуртдинова Роза Нафиковна,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, Букирева, 15

В современной политической науке существует множество теорий, объясняющих электоральное поведение избирателей. Одна из теорий - агентский подход. В центре внимания данного подхода находятся неформальные/формальные сети взаимодействий, где ключевое место занимает какой-либо субъект политико-властных отношений, оказывающий влияние на электоральное поведение избирателей посредством клиентелизма и использования особого инструмента мобилизации избирателей – политических машин. Немало работ фиксируют систематическую связь между региональными политическими машинами и электоральными успехами партий [Китчелт, Уилкинсон, 2016; Reuter, 2013; Mares, Young, 2016]. Вместе с тем динамика изменения влияния агентских факторов на электоральное поведение российских избирателей в кросстемпоральном кроссрегиональном разрезе рассмотрена недостаточно, что актуализирует изучение данного вопроса. Таким образом, цель данного исследования – проследить влияние агентских индикаторов на электоральную поддержку «Единой России».

Теоретические аспекты проблемы могут быть рассмотрены с точки зрения теории электорального клиентелизма. Эта концепция включает работы, посвящённые функционированию политических машин – организаций, которые способны приносить голоса кандидатам с механической регулярностью [Хейл, 2016; Golosov, 2013; Гилёв, Семёнов, Шевцова, 2017]. С точки зрения данной теории, главными становятся показатели, отражающие работу политических машин. Среди них: количество промышленных предприятий, доля бюджетников, доля сельского населения, доля нерусского населения, численность населения, происхождение и опыт губернатора. Таким образом, выявлено 7 потенциальных факторов работы политических машин в регионах РФ, влияние которых опосредованно отражается на электоральном поведении избирателей. Для обеспечения сравнимости случаев было принято решение анализировать выборы в Государ-

ственную Думу РФ в течение трех электоральных циклов (2011, 2016, 2021 годов) в региональном разрезе. Методом исследования выступает множественный регрессионный анализ.

Таблица 1. Сравнительная таблица со значимыми переменными

Независимая переменная	Зависимая переменная		
	2011	2016	2021
Доля сельского населения	0,0022 (0,2577)	3,794e-03 (0,0582)	0,0014 (0,401)
Доля бюджетников	-0,2747 (0,1027)	-5,540e-01 (0,0017) **	- 0,6062 (0,002536) **
Доля нетитульного этноса	0,1548 (6,80e-09)***	8,058e-02 (0,0013) **	0,122 (8,46e-05) ***
Численность населения регионов	0,0004 (0,000113) ***	2,496e-04 (0,0033) **	0,0004 (0,000263) ***
Количество пром. предприятий	-0,2554 (2.03e-05) ***	-1,426e-01 (0,008) ***	- 0,2968 (1,64e-05) ***
Происхождение главы	-0,0888 (0,0509)	-5,290e-02 (0,2452)	- 0,0891 (0,1249)
Опыт главы	0,0468 (0,054)	1,537e-02 (0,5288)	0,1053 (0,0055) **
R-квадрат	0,66	0,5	0,51
Adjusted R-квадрат	0,63	0,45	0,47
P-value	2,87e-15	5,276e-09	1,462e-09
N	83	85	85

Примечание: *p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01

Результаты регрессионных тестов представлены в таблице. Следует отметить, что во всех трёх моделях свою значимость не проявили индикаторы доля сельского населения и происхождение главы. Хотя предполагалось, что в сельской местности голосование контролируется легче из-за того, что жителям сложнее сохранить анонимность. С другой стороны можно предположить, что в таком случае институциональный мониторинг через политические машины не требуется, так как социальный контроль достигается через личный (face to face) контакт граждан. В свою очередь происхождение главы, его субъектность и личные качества в современных реалиях могут отходить на второй план, поскольку главе важнее получить вотум доверия от федерального центра, что зачастую можно сделать при назначении и.о. губернатора.

Следуя этой логике, опыт главы также не несет ярко выраженную значимость. Губернатору важнее обладать покровительством федеральной элиты. Однако в модели данный индикатор значим в период парламентских выборов 2021

года. Это можно объяснить тем, что в этот временной промежуток экономический, внешнеполитический, институциональный кризисы наложились друг на друга, что в общем привело к нестабильности системы. В таких условиях избиратели, ориентируясь на положительный предшествующий опыт руководства главы, могли голосовать за него.

Во всех трех моделях стабильно значим индикатор доля нетитульного этноса, что в целом подтверждает теоретические ожидания. Следовательно, регионы с пространственной локализацией этнических сообществ являются доступной контролируемой группой для политических машин.

Следует отметить, что во избежание получения нерелевантных результатов были построены разные регрессионные модели, которые могли бы изменить вектор корреляции переменных и увеличить значимость индикаторов. Однако это никак не повлияло на итог. Так, более уникальные результаты показали следующие переменные: доля бюджетников, количество промышленных предприятий и численность региона. Они полностью опровергли ранее выдвинутые гипотезы. Данные по доле бюджетников и количеству промышленных предприятий были подсчитаны вручную и собраны из ЕМИСС и Росстата соответственно. Альтернативной агрегированной базы данных по этим индикаторам нет, поэтому в регрессии переменная могла не сработать и показать обратный эффект. К тому же невозможно вычленивать частный сектор из промышленной сферы, что также может портить статистику. Также необходимо учитывать, что промышленные предприятия в первую очередь заинтересованы в извлечении прибыли. Для директоров невыгодно терять сотрудников, грозя увольнением, поэтому мониторинг голосования в данной сфере менее жесткий.

Таким образом, регрессионные модели парламентских выборов 2011, 2016, 2021 гг. доказывают применимость теории политических машин при анализе электорального поведения российских избирателей, что отражается в общей значимости построенных моделей. Однако данное исследование опровергло почти все теоретические ожидания. Гипотезы подтвердились лишь относительно доли нерусского населения и опыта главы. Одним из объяснений является то, что на данные выявленные группы населения могут опираться политические машины альтернативных партий (например, КПРФ, ЛДПР), что может отразиться на результатах. Тем самым исследование актуализирует изучение и дальнейшее выявление новых оснований политических машин, используемых партией власти в России.

Библиографический список:

Гилёв А.В., Семёнов А.В., Шевцова И.К. (2017) Политические машины и их Водители: электоральное администрирование на местном уровне, *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*, 3 (86), сс. 62-80.

Китчелт Г., Уилкинсон С (1998). Взаимодействия граждан и политиков: введение. *Патрон-клиентелистские отношения в истории и современности: хрестоматия*, Москва: Политическая энциклопедия, сс. 305-334.

Хейл Г. (2016). Факторы клиентелизма: политическая экономия, политизированная этничность и посткоммунистический транзит. *Патрон-клиентские отношения в истории и современности*, Москва: РОССПЭН. сс. 334-365.

Golosov G.V. (2013) Machine politics: The concept and its implications for Post-Soviet studies, *Demokratizatsiya*, pp. 459-480.

Mares I., Young L. (2016) Buying, Expropriating, and Stealing Votes, *Annual Review of Political Science*, pp. 267-288.

Reuter O. (2013) Regional patrons and hegemonic party electoral, *Post-Soviet Affairs*, pp. 101-135.

КОНФЛИКТЫ НА КОНКУРСАХ ПО ИЗБРАНИЮ МЕСТНЫХ ГЛАВ: МЕТОДИКА ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ В КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Субботина Анна Александровна,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, Букирева, 15

С введением в 2015 году конкурсной модели избрания мэров в муниципалитете сформировалось новое пространство для конфликта – сам процесс конкурса. Достаточное количество случаев позволяет рассматривать этот феномен с применением количественных методов, однако подобные исследования сталкиваются с проблемой отсутствия инструментария для выявления межэлитных противоречий, так как их достаточно сложно зафиксировать посредством открытых источников. Исследователи указывают на отдельные индикаторы конфликта [Ковин, Петрова, 2017; Зуйкина, Кочнева, 2017; Панов, Петрова, 2019], однако

их спектр охватывает далеко не все эмпирические проявления конфликтности. Цель данной работы – разработать методiku для определения конфликтных конкурсов в количественном исследовании.

Теоретической основой является институционализм рационального выбора [Норт, 1997]. Конкурсная модель трактуется как институт, который создаёт рамки взаимодействия акторов и формирует у них стимулы к определённым действиям. Согласно правилам, конкурс реализуется в две стадии. На первом этапе из представителей региона и муниципалитета формируется конкурсная комиссия, которая проводит первичный отбор кандидатов. На втором этапе депутаты местной Думы из предложенных кандидатур выбирают главу. Противоречия между акторами и, как следствие, конфликт, возможны на любой из стадий конкурса. При этом участники могут использовать институциональные рамки новой процедуры в качестве ресурса для достижения конкурирующих целей, что может неявно свидетельствовать о конфликте. Также теоретически можно предположить, что акторы способны прибегать и к другим механизмам в конфликтной борьбе помимо возможностей, предоставляемых конкурсной процедурой. На этом основании мы предлагаем аналитически разделять все проявления конфликтности на процедурные и непроцедурные.

Процедурные индикаторы – действия акторов, осуществляемые ими путём использования формальных институциональных возможностей конкурсной процедуры как ресурса для отстаивания собственных интересов и свидетельствующие о разногласиях между участниками конкурса. Их можно выявить теоретически на основе анализа конкурсной модели как института. Непроцедурные индикаторы – это такие действия, которые тоже прямо или косвенно свидетельствуют о разногласиях между участниками конкурсного процесса, но при этом не подразумевают использование акторами правил конкурса как ресурса в конфликтном взаимодействии. В некоторых случаях эти действия ставят под сомнение уже принятые правила.

Индикаторы конфликта выявлены на эмпирическом материале муниципалитетов Пермского края и Свердловской области. Всего проанализирован 221 конкурс за 2015-2022 годы. Источники данных – местные и региональные СМИ.

Перед обращением к эмпирике были выявлены процедурные индикаторы конфликта, а затем при рассмотрении отдельных случаев эти индикаторы были скорректированы и добавлены непроцедурные проявления конфликта. Всего выявлено 17 индикаторов. Все индикаторы и частота их встречаемости в рассматриваемой выборке представлены в таблице 1. Процедурные индикаторы сгруппированы по этапам конкурсного процесса, так как их проявление возможно

строго на конкретной стадии конкурса. В отличие от них реализация непроцедурных тактик борьбы не привязана к этапам конкурса и возможна даже до его начала.

Таблица 1. Индикаторы конфликтности конкурсов

Этап конкурсного процесса	Процедурные индикаторы	Непроцедурные индикаторы
Формирование и работа конкурсной комиссии	Проблемы с формированием комиссии: комиссия не собралась/распущена по чьей-либо инициативе (2); 2. Перенос заседания комиссии 3. Перенос сроков приёма документов на конкурс (2); 4. Срыв конкурса комиссией: комиссия не допустила никого из кандидатов, допустила только 1 кандидата (6); 5. Назначение нового конкурса по независимым от комиссии обстоятельствам (3).	Депутаты отказываются принять устав с новой процедурой избрания главы (1); 2. Депутаты отказываются принять положение о новой процедуре избрания главы (1); 3. Внеплановая отставка кого-либо в процессе конкурса (5); 4. Искусственное затягивание процесса конкурса (5); 5. Демонстративные действия депутатов (бойкот/отказ голосовать/уход с заседаний) (4); 6. Оспаривание правил конкурса/изменение правил в процессе конкурса (10);
Голосование депутатов местного Совета	1. Срыв конкурса депутатами: депутаты проголосовали так, что никто из кандидатов не набрал нужного числа голосов (11); 2. Срыв конкурса депутатами: больше половины депутатов не пришли на заседание Думы, конкурс признаётся несостоявшимся (2); 3. Переголосованные депутатов через небольшой перерыв в заседании (7).	7. Заявление акторов конкурсного процесса о нарушении правил конкурса (8); 8. Оспаривание результатов конкурса в суде/ обращение в суд /в прокуратуру в ходе конкурса 9. Протест населения (3).

В отношении каждого конкурса по каждому индикатору информация фиксировалась в бинарном виде: 0 – индикатор не зафиксирован, 1 – явление наблюдалось в процессе конкурса. Так как каждый индикатор свидетельствует о проявлении конфликта, конкурс признаётся конфликтным при наличии хотя бы одного из представленных индикаторов, в противном случае конкурс оценивается как неконфликтный. Согласно данной методике конфликтными классифицированы 43 конкурса из 221. Среди 43 конфликтных случаев 18 проявляют себя только через процедурные индикаторы, 14 – через непроцедурные, а 11 конфликтов совмещают оба проявления. То есть локальные акторы скорее склонны «играть по правилам» и использовать их как ресурс в борьбе. Однако иные (непроцедурные) механизмы тоже выступают значимым инструментом для отстаивания позиции акторов и в ряде случаев являются не просто дополнением и усилением процедурной тактики, а выступают самостоятельной стратегией борьбы.

Работа решает ограниченность ранее предлагаемых методик путем выделения непроцедурных индикаторов, которые ранее детально не рассматривались. Она даёт возможность для построения типологий конфликтов. Однако данная методика фиксирует только факт конфликта и не позволяет измерять его интенсивность.

Библиографический список:

Зуйкина А.С., Кочнева Ю.К. (2017) Конкурсы на должность глав муниципалитетов в Пермском крае: эффекты процедурных правил, *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, (3), сс. 169-183.

Ковин В.С., Петрова Р.И. (2017) Конкурентность в локальном политическом пространстве: конкурсы по избранию глав МСУ и выборы депутатов представительных органов власти в муниципальных районах и городских округах Пермского края в 2012–2017 гг., *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*, (4), сс. 112-120.

Норт Д. (1997) *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*, Москва: Фонд экономической книги «Начала». 180 с.

Панов П.В., Петрова Р.И. (2019) Конкурсы по избранию глав местного самоуправления: коррупционная составляющая, *Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции*, сс. 473-487.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТДЕЛЕНИЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПАРТИИ США В «СИНИХ» ШТАТАХ

Неволин Сергей Юрьевич,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, Букирева, 15

Одним из ключевых процессов в американской политической системе XXI века считается поляризация – процесс размежевания представителей Республиканской и Демократической партий, избирателей и целых штатов по идеологическим вопросам [Fiorigina, Abrams, 2008]. Много лет голосование одних регионов практически всегда за демократов («синие штаты»), а других за Республиканцев («красные штаты») было одним из самых заметных проявлений поляризации. Но в 2022 году ситуация стала меняться. На губернаторских выборах в одном из самых «синих» штатов, Нью-Йорке, кандидат-республиканец впервые за 20 лет сократил отставание от своего соперника с двузначных цифр до 6% [Pew Research Center, 2014] [Ballotpedia, 2023]. Успех республиканцев дал основания полагать, что отделение партии в «синем» штате смогло частично преодолеть идеологическую пропасть между партиями.

Новые тенденции в развитии идеологий партий на уровне штатов пока не получили должного внимания политологов. В то же время их исследование значительно расширяет знания о феномене поляризации и методах ее преодоления на уровне штатов. Таким образом, становится актуальным исследовательский вопрос данной работы: как расположение отделений Республиканской партии в про-демократических штатах влияет на их идеологию. Целью исследования является определение степени и характера отличий в идеологических позициях Республиканцев из про-демократического штата от Республиканцев на федеральном уровне. Для проведения исследования были выдвинуты следующие гипотезы:

H1 – расположение отделений Республиканской партии в «синих» штатах ведет к идеологическому отклонению их предвыборной платформы от программы партии на национальном уровне;

H2 – расположение отделений Республиканской партии в «синих» ведет к смещению их идеологических позиций в политический центр по сравнению с идеологией партии на национальном уровне;

НЗ – отделения Республиканской партии в «синих» штатах менее склонны обращать внимание на культурные идеологические вопросы в собственных предвыборных программах, чем партия на национальном уровне.

Методологией исследования стала теория идеологий Майкла Фридена. Эта методология оценивает идеологии по всем составляющим ее концептам и избегает грубых упрощений политических течений до вида «консерватизм», «либерализм» или «социализм» [Freedon, 2013]. Концепты по М. Фридену разделяются на три вида: ядерные, смежные и периферийные. Ядерные концепты, наиболее абстрактные и долговечные, содержат стереотипные признаки, которые первыми приходят в голову при упоминании той или иной идеологии. Смежные концепты менее абстрактные, они конкретизируют ядерные концепты. Периферийные концепты в идеологии наименее абстрактные и стабильные – они являются либо маргинальными идеями в рамках политического течения, либо временной реакцией идеологии на некие внешние события [Freedon, 2013]. Теория М. Фридена позволяет выстроить подробную картину каждой анализируемой идеологии и в подробностях проследить её развитием в хронологической перспективе.

Методика проведения исследования включает в себя морфологический и контент-анализ. Такой подход обусловлен необходимостью обеспечить обоснованную операционализацию зависимых переменных исследования и при этом сохранить одно из преимуществ теории М. Фридена – учет взаимосвязей концептов и степени их важности, которая определяет ядерное, смежное или периферийное положение концепта. Именно для сохранения качественных преимуществ методологии М. Фридена используется морфологический анализ, предполагающий деконтекстуализацию и обобщение смысловых единиц в тексте для выделения концептов и их дальнейшей трактовки. С другой стороны, контент-анализ позволяет дать зависимым переменным конкретное количественное выражение в виде доли каждого концепта в общем объеме программных источников Республиканцев. Кодировка для контент-анализа производится аналогично исследованиям Manifesto Project – каждое предложение засчитывается как минимум за одну смысловую единицу, содержащую концепт [Manifesto Project, 2023]. Подсчитывается отношение частоты упоминания концепта к общему количеству упоминаний всех концептов, что и отражает долю каждой идеи в идеологии. Таким образом, морфологический анализ позволяет определить положение, а контент-анализ вес каждого концепта в идеологии. Источниками исследования стали программы республиканцев на национальном уровне и на уровне штата Нью-Йорк на выборах 2022 года [Zeldin for New York, 2021].

Результаты исследования подтвердили все три выдвинутые гипотезы. Республиканцы Нью-Йорка действительно уделяли культурным вопросам на 14% меньше внимания, чем однопартийцы на федеральном уровне. Культурным концептам в предвыборной платформе Республиканцев США отводится 66% всего объема, и лишь 33% внимания получают экономические вопросы. В то же время Нью-Йорк декларирует свои экономические принципы на протяжении 48% всей программы. При этом экономические концепты Республиканцев Нью-Йорка имеют социальный уклон – 38% программы посвящено смежному концепту благополучия. В программе Республиканцев США аналогичному концепту уделено только 14% платформы. При этом партия на национальном уровне отдает 13% внимания идее сокращения вмешательства государства в экономику, а Нью-Йорк обращается к этому концепту лишь в 4% своей программы. Этим Республиканцы штата смогли привлечь на свою сторону более умеренных сторонников Демократов, которых не привлекает правая экономическая политика в вопросах сокращения государственного вмешательства в экономику.

Библиографический список:

Ballotpedia. (2023). Governor of New York. URL: https://ballotpedia.org/Governor_of_New_York#Elections (date of access 10.05.2024).

Fiorina M., Abrams S. (2008) Political Polarization in the American Public, *Annual Review of Political Science*, pp. 563-588.

Freeden M. (2013) *The Morphological Analysis of Ideology*, The Oxford Handbook of Political Ideologies. Oxford: Oxford University Press. 115 p.

Manifesto Project. Manifesto Project Database. URL: https://manifesto-project.wzb.eu/down/data/2023a/codebooks/codebook_MPDataset_MPDS2023a.pdf (date of access 10.05.2024).

Pew Research Center. Political Ideology by State. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/religious-landscape-study/compare/political-ideology/by/state/> (date of access 10.05.2024).

Zeldin for New York. URL: <https://zeldinfornewyork.com/> (date of access 10.05.2024).

ПРАВЫЕ ПАРТИИ-ЕВРОСКЕПТИКИ НА НАЦИОНАЛЬНЫХ И ЕВРОПЕЙСКИХ ВЫБОРАХ В 2010–2020 ГОДЫ

Назарова Надежда Антоновна,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, Букирева, 15

Практики идентификации – это всегда определение себя через значимого другого, то есть через выделение виктимной группы «чужих» или «врагов», которым необходимо противостоять. В евроскептическом дискурсе такая популистская дихотомия конструируется как «нация versus элиты-бенефициары глобализма». В рамках настоящей работы, имеет место теоретическое предположение, что партии-евроскептики будут идентифицировать себя на национальных и европейских электоральных аренах, выбирая разных «значимых других». Исследовательский вопрос, таким образом, следующий – как правые партии-евроскептики конструируют образ «значимого другого» в собственной электоральной риторике на национальных и европейских выборах, а также как он соотносится с евроскептическими установками этих партий. В этой связи представляется релевантным методологический подход И.С. Семененко, которая считает, что коллективные политические субъекты, в том числе и партии, «формируют свою политическую идентичность на основании соотнесения себя с другими субъектами политики – носителями иной идентичности, и размежевания с ними в борьбе за влияние на политические решения» [Фадеева, 2023].

Цель исследования – выявить и объяснить вариативность практик политизации идентичности правых партий-евроскептиков на национальных и наднациональных электоральных аренах. Объектом исследования является электоральная риторика правых евроскептических партий, тогда как предметом исследования – формируемая в предвыборных программах идентичность партий, составляющих фракцию «Идентичность и демократия», на национальных выборах и программы «Идентичности и демократии» и «Европы наций и свобод» на выборах в Европарламент в 2009–2019 годах. Эмпирические источники, используемые в рамках исследования, составили подготовленные для национальных и общеевропейских выборов в период 2009–2019 годов манифесты партий, входящих во фракцию «Идентичность и демократия». Ключевым методом исследования выступил качественный контент-анализ с индуктивной кодировкой и использованием специализированного программного средства ATLAS.ti.

В качестве теоретической рамки исследования лежит концепция Б. Андерсона, для которого нация – это «воображенное политическое сообщество», а для

формирования национальной идентичности крайне важны мифы, которые зачастую специально фабрикуются элитами, чтобы сформировать у группы лояльность обществу, которое эти элиты планируют представлять [Андерсон, 2016]. Таким образом, отношения между разными идентичностями определяются тем, опираются они на разные или общие основания. Если считать, что национальная и европейская идентичности конкурируют за идентичные типы структур (история, культура, политика), в некоторых условиях они могут конфликтовать, и это соревнование европейская идентичность проигрывает, потому что общие «европейские ценности» (демократия и верховенство закона) проигрывают «разделяющим» ценностям (языку и исторической памяти). Другая точка зрения состоит в том, что европейская и национальная идентичности имеют разные основания: национальная обеспечивается общей культурой и историей, а европейская – общей политической культурой и публичной сферой. В таком случае единственное препятствие сосуществованию национальной и общеевропейской идентичности – национализм, опирающийся на эмоции больше, чем на логику. Для борьбы с национализмом необходимо формирование общеевропейской культуры, а это невозможно без отделения гражданства от национальности. Создать европейскую идентичность возможно, хоть это и медленный процесс, поскольку мифы могут изменяться [Cinproes, 2008]. Одним из возможных выходов является создание «плюралистического» гражданства; оно должно быть основано не на идее уникальности конституционных принципов и прав человека или на разных форма неравенства, а на идее разнообразия культур граждан Европы вне зависимости от их происхождения [Delgado-Moreira, 1997].

Результаты эмпирического анализа программ партий позволяют утверждать, что на выборах обеих уровней евроскептические партии артикулировали одни и те же тематические блоки: экономика, безопасность, миграция. Идентичность упоминается не в каждой программе и, как правило, не на национальных выборах. Обычно идентичность упоминается вместе со следующими кодами контент-анализа: *язык* (55), *религия* (44), *политика* (75), *культура* (47), *Европа и европейское* (61).

На национальных выборах партии редко говорили об идентичности, но, если её упоминали, использовали позитивное определение: обладатель национальной идентичности – это носитель национального языка и культуры; при этом на национальных выборах не рисуется образ «чужого», что не подтвердило нашу гипотезу о формулировании ими собственной идентичности на базе создания образа «врага». Национальная идентичность может связываться в этих программах к абсолютно разным аспектам жизни нации и государства: например, «Эстонская консервативная народная партия» связывает свою национальную идентичность с сельским хозяйством. «Опасностью» становится продвигаемое ЕС создание

унифицированной общеевропейской культуры; другие национальные культуры не рассматриваются как угроза (то есть финской культуре французская не угрожает). Единственное исключение из практики наделения Европейского Союза образом «чужого» – это «Фламандский блок», который тянется к «европейскости», чтобы обосновать отделение Фландрии от Бельгии.

На общеевропейских выборах вопрос идентичности поднимается практически каждой партией (особенно после 2013 года). Интересно, что чаще встречается не «европейская идентичность», а «Европа наций / суверенных государств»: партии настаивают на том, что защищают собственную национальную идентичность от Евросоюза – политического образования, истощающего национальные экономики, а вместе с ними и национальные культуры, и национальные политические системы. Есть разделение между ЕС и Европой – вторая воспринимается в географическом и культурном смысле (как родина демократии, свободы, «христианских ценностей»), ЕС – как плохо работающий, дорогой и неэффективный механизм. Европа и европейские ценности (которые чаще всего упоминаются в связке с кодом «политика») дают партиям легитимацию борьбы против ЕС; общность их наследия – в том, что они все часть Европы, богатство же Европы состоит в разнообразии культур. Нации Европы, согласно этим программам, едины в своих различиях, поэтому они объединяются ради борьбы против диктата Союза, стремящегося превратить всё разнообразие в единую безликую европейскую нацию, при этом уничтожив национальные экономики и системы безопасности. При этом партии признают наличие общего между разными странами Европы, опираясь именно на культуру: общую историю, религию, схожие традиции и нормы морали. Когда они говорят о «чужом» для этой культуры, обычно им выступают мигранты, однако на них логическая цепочка критики не заканчивается: «чужие» попали в Европу (в пространство и на территорию каждой из стран) при попустительстве ЕС, который сначала отказывал в помощи собственным гражданам, расщедрившись при этом на иностранцев, а потом не смог заставить тех интегрироваться в европейские общества.

Таким образом, можно заключить, что в обоих случаях основой идентичности выступает культура, и «чужим» становятся те, кто хочет её «заменить», при этом мигранты выступают в этой роли реже, чем ЕС как политическое объединение. Партии открыто говорят, что во всех сферах взаимодействия предпочли бы «Европу суверенных государств», обычно обосновывая это не только защитой идентичности, а экономическими причинами и обеспечением безопасности национальных границ. Неприязнь к общеевропейской идентичности как продукту ЕС воспринимается негативно из-за того, что всё, созданное ЕС, в глазах этих партий плохо и заслуживает критики. В отношении «европейской идентичности» используется вина по ассоциации – она плоха не из-за того, что в

её основе лежит нежизнеспособный концепт, а потому, что она создаётся вредоносным актором. Упрощая, партии-евроскептики видят своим главным врагом не беженцев и мигрантов с Ближнего Востока или из Азии, а созданный европейскими бюрократами ЕС миграционный режим.

Библиографический список:

Андерсон Б. (2016) *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*, М.: Кучково поле, 416 с.

Фадеева Л.А. (2023) *Политика идентичности: понятия, смыслы, практики*. Пермь: ИЦ «Титул». 216 с.

Cinpoes R. (2008) From National Identity to European Identity, *Journal of Identity and Migration Studies*, pp. 3-14. URL: http://www.e-migration.ro/jims/Vol2_no1_2008/JIMS_vol2_no1_2008.pdf#page=5 (date of access 10.05.2024).

Delgado-Moreira J. (1997) Cultural Citizenship and the Creation of European Identity, *Electronic Journal of Sociology*. URL: <https://sociology.lightningpath.org/ejs-archives/vol002.003/delgado.html> (date of access 10.05.2024).

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ЛОКАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

РАСШИРЕНИЕ НЕЭЛЕКТОРАЛЬНОГО УЧАСТИЯ: ПАРТИСИПАТОРНОЕ БЮДЖЕТИРОВАНИЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Делов Илья Евгеньевич,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
194100, Санкт-Петербург, ул. Кантемировская дом 3, корп. 1

Участие негосударственных акторов в городском управлении активно расширяется уже несколько десятилетий. Среди вовлекаемых акторов оказываются не только корпоративные игроки и профессионализированный третий сектор, но и обычные граждане. Партиципаторное бюджетирование представляет собой, в широком смысле, механизм вовлечения граждан в распределение бюджетных средств. Возникший в 1989 году в бразильском Порту-Алегри, подобный механизм стал ярким воплощением идей прямой демократии. Этот опыт был перенят во многих странах и оказался способен изменить публичную городскую среду как это неоднократно наблюдалось в Бразилии: внедрение партиципаторного бюджетирования привело к сокращению коррупции и клиентелизма, увеличению открытости местных властей, а жители города получили доступ к распределению около 10% городского бюджета.

Партиципаторное бюджетирование в разных формах, от общественных консультаций по бюджету до обязательных к исполнению решений по его распределению, распространилось по городам всего мира. Значительным и важным введением нового времени является факт его переноса в государства гибридных политических режимов, включая Российскую Федерацию. Неэлекторальное участие в таких государствах активно расширяется. Вместе с тем, теории, объясняющие расширение политического участия в не-демократиях (авторитарная делиберация и партиципаторный авторитаризм), хоть и включают в исследовательский фокус публичные площадки для делиберации и партиципаторное бюджетирование, однако рассматривают их структурные характеристики, оставляя за рамками внимания отдельных акторов. Между тем, известно, что в имплементации партиципаторного бюджетирования в демократиях значительную роль играют политики, обладающие разными системами мотивацией, а перенос в Российскую Федерацию управленческих инноваций может осуществляться вариативными конфигурациями акторов нередко при давлении федерального центра [Kabanov, Sungurov, 2015]. Учитывая вышесказанное, исследовательский фокус

настоящей статьи наведен на партисипаторное бюджетирование как формат неэлекторального политического участия на примере Санкт-Петербурга.

Опираясь на теоретическую литературу, описывающую процесс трансфера партисипаторного бюджетирования, можно зафиксировать значимую роль политиков как в демократиях [Wampler, 2007], так и в недемократических полициях [Nylen, 2014]. Например, в мозамбикском Мапуту, партисипаторное бюджетирование было инициативой мэра, стремившегося укрепить поддержку местных партийных элит. Исследование диффузии партисипаторного бюджетирования в Эстонии показало, что основными механизмами распространения такого института стали попытки обучиться чужому опыту, а также имитация чужого успеха, где в обоих случаях важную роль играли местные власти и эстонская НКО [Krenjova, Raudla, 2017]. Во всех подобных случаях важную роль играли именно отдельные политические акторы, которые активно вкладывались в продвижение партисипаторного бюджетирования, в виду чего возможно ожидать схожий сценарий в Российской Федерации. Таких политических акторов, заинтересованных в установлении новых политических институтов ради извлечения выгоды в соответствии с собственными интересами, можно концептуализировать как политических антрепренёров, вслед за Кингдоном: *«акторы, готовые вкладывать свои ресурсы <...> в обмен на ожидаемую будущую выгоду, которая может прийти в виде политик, которые они поддерживают, удовлетворения от участия, а может даже привести к личному продвижению в виде укрепления на рабочем месте или продвижения по карьерной лестнице»* [Kingdon, 2014].

Для ответа на вопрос об акторах, проводивших институционализацию партисипаторного бюджетирования в Санкт-Петербурге, была проведена серия экспертных интервью с участниками процесса институционализации, городских властей и академического сообщества. Результаты серии интервью показывают, что появление партисипаторного бюджетирования в Санкт-Петербурге стало случаем трансфера института политическими антрепренёрами из числа чиновников Комитета финансов города – главную роль в установлении института сыграли председатель комитета и его заместитель в сотрудничестве с экспертами Европейского университета в Санкт-Петербурге. По мнению информантов, председатель комитета, оказавшись на новой должности, стремился закрепиться на ней и провести имиджевый проект, а заместитель преследовал идеи благого управления (good governance) и поддержку демократических идей партисипаторного бюджетирования.

Кроме того, результаты интервью показали, что до появления института партисипаторного бюджетирования в Санкт-Петербурге, были инициации такого в двух других городах северо-запада Российской Федерации. По словам двух участников экспертной группы, имела место быть предложение о создании рабочего механизма партисипаторного бюджетирования, основанного на идеях республиканизма.

Таким образом, можно полагать, что имеет место как минимум два варианта инициации и имплементации института партисипаторного бюджетирования в Санкт-Петербурге: государственные служащие как политические антрепренёры и эксперты как политические антрепренёры. Случай Санкт-Петербурга иллюстрирует один из возможных сценариев внедрения политических инноваций в Российской Федерации, когда инициатива идёт не сверху на чиновников, а исходит от них и направлена на улучшение управления и развитие связей с горожанами.

Текст подготовлен в ходе проведения исследования (№ 22-00-032) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2023 году.

Библиографический список:

Kabanov Y., Sungurov A. (2016) E-government development factors: evidence from the Russian regions. *DTGS 2016, St. Petersburg, Russia*. Springer International Publishing, pp. 85-95.

Kingdon J. W. (2014) *Agendas, alternatives, and public policies*. Harlow: Pearson. 235 p.

Krenjova J., Raudla. R. (2018) Policy Diffusion at the Local Level: Participatory Budgeting in Estonia, *Urban Affairs Review*, 54(2), pp. 419–447.

Nylen W.R. (2014) *Participatory budgeting in a competitive-authoritarian regime: a case study (Maputo, Mozambique)*, Maputo: Instituto de Estudos Sociais e Económicos. 86 p.

Wampler B. (2010) *The Diffusion of Brazil's Participatory Budgeting: Should 'Best Practices' Be Promoted?* Working Paper, Boise: Boise State University, pp. 1-40.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОМБУДСМЕНОВ С КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ РФ КАК НОВЫЙ ВИТОК СТРОИТЕЛЬСТВА КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В РОССИИ

Лычев Глеб Дмитриевич,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
194100, Санкт-Петербург, ул. Кантемировская д. 3, корп. 1

Конституционный Суд Российской Федерации является одним из наиболее важных для изучения немажоритарных институтов в России, поскольку претерпевает значительные изменения как в институциональном плане, так и в плане взаимодействия с внешними акторами на протяжении всего своего существования. Новая волна исследовательского интереса обрушилась на КС РФ после конституционной реформы 2020 года и судебной реформы 2021 года, которая значительно повлияла на его работу и расширила вектор взаимодействия с различными акторами [Медушевский, 2020]. С 2021 года мы видим, что КС РФ вводит отдельную категорию в своей статистике – «обращения иных уполномоченных по правам», которая включает в себя региональных уполномоченных и иных правозащитников, что регламентируется внесёнными в № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» изменениями. Таким образом региональные омбудсмены получили возможность выступать в роли заявителя на официальном уровне при подаче обращений в КС РФ, получив новый инструмент взаимодействия как с судебной властью в целом, так и с КС РФ в частности. Изучение федерального института Уполномоченного по правам человека (УПЧ) значимо как в российской политической науке, так и на стыке с наукой юридической, о чем не один раз упоминается в работах российских исследователей [Нездюров, Сунгуров, 2018]. Существует также отдельное проработанное исследование И.С. Григорьева, посвящённое взаимодействию КС РФ и федерального института УПЧ, и в продолжении данного направления было бы закономерно рассмотреть институт регионального омбудсмена во взаимодействии с КС РФ [Григорьев, 2022]. Данное исследование является лишь небольшим аспектом изучения процессов взаимодействия КС РФ с внутригосударственными акторами, однако весьма важным в контексте расширения полномочий региональных омбудсменов. Из-за того, что прошло сравнительно мало времени с 2021 года, наблюдается пробел в изучении данного взаимодействия.

Таким образом, формируется исследовательский вопрос данной работы – как региональные омбудсмены выстраивают новое взаимодействие с Конститу-

ционному Суду и каковы результаты данного процесса уже сегодня. Методология данного исследования строится преимущественно на качественных методах, включающих в себя контент-анализ текстов определений или постановлений, вынесенных КС, которые размещены в открытом доступе на сайте суда, а также анализ ежегодных докладов региональных уполномоченных по правам с целью выявления наличия или отсутствия направления работы с данным инструментом взаимодействия. Приоритет качественных методов над количественными диктуется отсутствием достаточного количества наблюдаемых единиц для полноценного статистического анализа.

С теоретической точки зрения изучаемый процесс взаимодействия органично вписывается в теорию конституционализма А. Шайо, потому что оно является более расширенным и делает немалый акцент на роли функционирования институтов в системе ими же созданной [Sajo, Uitz, 2017]. Эффективный конституционализм (реальный, а не формальный) требует участия институтов, что мы и видим в расширении перечня возможных заявителей в 2021 году, однако здесь ставится вопрос о реализуемости региональными омбудсменами данной им возможности, на что данное исследование и нацелено дать ответ. Данная работа призвана продемонстрировать уровень развития и используемости инструмента взаимодействия региональных УПЧ с Конституционным Судом, а также обозначить каким образом нововведение 2021 года в России позволит приблизиться к строительству конституционализма.

Основные результаты и выводы данной работы заключаются в том, что несмотря на пройденный отрезок времени обращений в КС РФ от региональных УПЧ оказывается не так много (всего одно заявление на момент написания работы было подано от регионального УПЧ в Приморском Крае, остальные четыре поданы от уполномоченных по защите прав предпринимателей), их результативность находится на нулевом уровне, так как вынесено было определение исключительно с толкованием без изменения законодательства. Это подтверждает выводы К.А. Сулимова, полученные в результате анализа активности российских регионов в использовании обращений в конституционный суд, о снижении активности по отношению к обращениям в КС РФ [Сулимов, 2020]. Здесь мы видим это на примере отсутствия реализации новой возможности защиты и восстановления прав и свобод региональными УПЧ. Однако внедрение данного механизма прослеживается в единичных докладах региональных УПЧ и формировании рабочих групп в аппаратах. Из официальных докладов региональных УПЧ можно также вычленивать факт частого обращения к постановлениям и определениям Конституционного Суда как к источникам права, чем они и являются, что весьма показательно. Расширение механизмов и потенциальных каналов взаимо-

действия внутри институциональной сети позволяют говорить о многоуровневости конституционализма в России [Троицкая, Храмова, 2022]. Таким образом использование нового механизма позволит расширить потенциал региональных омбудсменов для правозащиты и нормоконтроля, причем они, являясь государственными органами, укрепят процесс взаимной интеграции институциональной сети взаимодействий. Исходя из того, что прошло ещё слишком мало времени для того, чтобы данная практика взаимодействия региональных омбудсменов и КС РФ стала регулярным инструментом взаимодействия, можно сказать о возможности продолжения данного исследования, включая сбор данных и проведение интервью непосредственно в аппаратах региональных УПЧ.

Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 23-00 032) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2023 году.

Библиографический список:

Григорьев И.С. (2022) Помощники суда: российский Конституционный суд и Уполномоченный по правам человека, *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*, 1 (104), pp. 92–109.

Медушевский А.Н. (2020) Конституционная реформа в России: содержание, направления и способы осуществления, *Общественные науки и современность*, 1, сс. 39–60.

Нездюров А.Л., Сунгуров А.Ю. (2018) Права человека в России: общественные дискуссии и институт государственного правозащитника, *Мир России. Социология. Этнология*, 27(3), сс. 61–81.

Сулимов К.А. (2020) Оспаривание vs коррекция: динамика активности российских регионов в использовании обращений в Конституционный суд и законодательной инициативы на федеральном уровне, *Ars Administrandi*, 12 (4), сс. 556–576.

Троицкая А.А., Храмова Т.М. (2022) Конституционный суд в системе многоуровневого конституционализма. Конституционный Суд России: осмысление опыта, *Центр конституционных исследований*, сс. 480-508.

Sajó A., Uitz R. (2017) *The Constitution of Freedom: an Introduction to Legal Constitutionalism*. Oxford University Press. 483 p.

ФАКТОРЫ ДОСРОЧНОГО УХОДА ГЛАВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Фазылханова Карина Ришатовна,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, Букирева, 15

Факторы досрочного ухода глав муниципалитетов в России являются недостаточно изученной исследовательской проблемой. У исследователей не сложилось единого мнения о том, что может повысить вероятность отставки главы муниципалитета. Например, Р.Ф. Туровский в своей работе утверждает, что на выживаемость глав муниципальных образований влияет количество голосов, поданных за действующую власть на федеральных выборах [Туровский, 2013]. Вместе с тем, исследования Н. Бакли и Г. Голосова опровергают это утверждение, доказывая, что данный фактор перестал быть актуальным для местной и региональной власти [Buckley, Garifullina, Reuter, Shubenkova, 2014; Golosov, Tkacheva, 2018]. Поправки, внесённые в Конституцию в 2021 году, актуализировали вопрос о месте муниципальной власти в политической системе и степени ее политической автономии. В связи с расхождением мнений и отсутствием единой картины понимания факторов досрочных уходов местных глав, возникает необходимость исследования того, что влияет на вероятность досрочного ухода.

Теоретической рамкой исследования является теория принципал-агента. Агентом выступает глава муниципального образования, а принципалом – губернатор региона, к которому принадлежит данное муниципальное образование. Такое распределение связано с тем, что губернаторы обладают значительными полномочиями в вопросах назначения и отставки глав, а также финансирования муниципалитетов. В то же время главы муниципальных образований имеют больший объем информации о том, что происходит в муниципалитете, и в связи с наличием данной информации способны принимать более эффективные решения [Туровский, 2013]. В результате такой асимметрии главы являются незаменимым инструментом для исполнения поручений губернаторов, которые имеют возможность сместить главу тогда, когда он перестает быть эффективным.

В логике представленной теории предполагается, что главы исполняют различные поручения губернаторов, связанные с электоральными результатами, социально-экономической и политической стабильностью. Для операционализации этих поручений были выбраны следующие показатели: количество населения муниципалитета, модель назначения главы муниципалитета, средняя по муниципалитету заработная плата, бюджет на душу населения, процент голосов за

«Единую Россию» на федеральных выборах, процент голосов за В.В. Путина на выборах президента РФ, конфликтная ситуация в муниципалитете, опыт главы. Предполагается, что существует обратная связь между средней заработной платой, бюджетом на душу населения, процентом голосов за «Единую Россию» на федеральных выборах, процентом голосов за В.В. Путина на президентских выборах, опытом главы и вероятностью досрочного ухода. Иными словами, успешное выполнение данных показателей положительно влияет на выживаемость главы, поскольку региональной власти не выгодно принимать или инициировать его досрочный уход, и, в то же время, если эти показатели являются низкими и глава не справляется со своими полномочиями, его управление видится не рациональным для региона. Помимо этого, предполагается, что количество населения имеет прямую связь с досрочным уходом: при большом количестве граждан у муниципального образования есть ресурс для выдвижения нового главы и неэффективного главу проще отправить в отставку. Также разные модели назначения предполагают разное участие региональной власти в выборе нового главы: более существенно региональная власть способна влиять на выбор главы при модели «назначаемый мэр» [Казанцев, Румянцева, 2020], поскольку выборная комиссия на половину состоит из представителей, определенных губернатором, поэтому он может изначально выбрать наиболее подходящего для себя агента, что может уменьшить вероятность досрочного ухода главы. Помимо факторных выделены контрольные переменные, которые теоретически способны повлиять на досрочный уход, но не встраиваются в логику рассматриваемой теории: предшествующая отставка губернатора, партийная принадлежность главы, связь главы с территорией.

Единицами наблюдения являются муниципальные образования второго уровня Владимирской, Воронежской и Ивановской областей с 2015 по 2020 г. Выборка была сформирована в связи с географической близостью и социально-экономической схожестью регионов. Временная рамка исследования выбрана для минимизации выбросов и аутлайеров в данных. Источниками выступили сайты местных СМИ, официальные сайты местных органов МО, сайты партий, данные ЦИК РФ, данные Росстата. Данные были проанализированы с помощью метода факторного анализа и метода логистической регрессии.

Анализ показал, что единственным устойчивым значимым фактором является наличие конфликтной ситуации в муниципалитете. Остальные факторы не показали значимой связи. Эти выводы подтверждают исследования Г. Голосова, Н. Бакли и О. Ройтера [Golosov, Tkacheva, 2018; Buckley, Reuter, Rochlitz, Aisin, 2021] об отсутствии связи досрочного ухода с электоральными показателями, которые объясняют это тем, что отсутствие отставок из-за низких электоральных

показателей – это способ избежать еще более низких результатов, так называемая теория «неприятия рисков». Это означает, что на современном этапе высокие показатели социально-экономической и политической стабильности муниципалитета не способны полностью защитить главу от потенциальной отставки и, наоборот, низкие показатели развития МО также потенциально не ведут к досрочному уходу главы. Вероятность отставки повышает лишь публичный конфликт главы с губернатором, местными элитами и силовыми структурами. Можно сказать, что глава становится уязвим при конфликте, поскольку он показывает свою нелояльность и политическую неустойчивость, что не выгодно для власти. Помимо этого, наличие конфликта главы с губернатором усложняет отношения муниципалитета с региональным центром, и губернатор может начать выражать сомнения в последующей лояльности своего агента.

Библиографический список:

Казанцев К.И., Румянцева А.Е. (2020) *От избрания к назначению. Оценка эффекта смены модели управления муниципалитетами в России*. Москва: Исследования по вопросам управленческих решений. 67 с.

Мухаметов Р.С. (2020) Кремль и переизбрание губернаторов: факторы поддержки, *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*, сс. 137–152.

Туровский Р.Ф. (2013) Местное самоуправление в России как агент в принципал-агентских отношениях с государственной властью, *Социально-экономические явления и процессы*, сс. 159-167.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. (2021) Главы малых Российских городов: лидерство и эффективность управления, *Мир России. Социология. Этнология*, сс. 29-48.

Buckley N., Garifullina G., Reuter O., Shubenkova A. (2014) Elections, Appointments, and Human Capital: the case of Russian Mayors, *Demokratizatsiya*, 22 (1), pp. 87-116.

Buckley N., Reuter O., Rochlitz M., Aisin A. (2021) Staying Out of Trouble: Criminal Cases Against Russian Mayors, *Comparative Political Studies*, pp. 1539–1568.

Golosov G., Tkacheva T. (2018) Let My People Run: Pre-Election Resignations of Russia's Governors 2013-2015, *Problems of Post-Communism*, pp. 243-252.

ВЛАСТЬ И БИЗНЕС В МУНИЦИПАЛИТЕТАХ КИЗЕЛОВСКОГО УГОЛЬНОГО БАССЕЙНА: ИНТЕРЕСЫ, РЕСУРСЫ, СТРАТЕГИИ

Кузнецов Дмитрий Викторович, Пустовалова Виктория Антоновна,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, Букирева, 15

В ходе настоящего исследования были рассмотрены социокультурные проблемы старо-промышленных территорий Российской Федерации, а также взаимодействие на данных территориях бизнеса и власти с целью решения этих проблем. Были поставлены три исследовательских вопроса: (1) каким бывает взаимодействие бизнеса и власти в рамках решения проблем муниципальных территорий и что определяет эту конфигурацию; (2) почему в одних случаях бизнес в большей степени вовлечен в такое взаимодействие, а в других – нет; (3) можно ли связывать масштаб такой вовлеченности бизнеса с успехом решения указанных выше социокультурных проблем.

Для исследования в рамках сравнительного анализа были выбраны города Губаха и Кизел, по причинам общего исторического и экономического развития, наличием схожих социокультурных рисков, наличием эмпирических данных по данным территориям. Данные кейсы при стратегии максимального сходства демонстрируют одно существенное различие: Кизел столкнулся с резким ухудшением социально-экономической ситуации, тогда как Губаха демонстрирует в целом успешное социально-экономическое развитие.

Цель исследования – выявление каузальных связей между степенью взаимодействия бизнеса и публичной власти и уровнем социально-экономического развития муниципальных образований. Ключевая гипотеза – конфигурация взаимодействия бизнеса и власти зависит от наличия крупного бизнеса и его заинтересованности в развитии территории. В рамках проведения исследования были использованы следующие методы: (1) включенное наблюдение, анкетирование, глубинное интервью представителей бизнес-структур и муниципальной власти при эмпирическом этапе исследования; (2) рассмотрение исследовательских случаев или сравнительно-ориентированные кейс-стади. Исследование базировалось на теории городских режимов К. Стоуна, работах В. Гельмана, О. Бычковой. Каждая из теорий выдвигает свою типологию режимов. Для дальнейшей работы была выбрана типология В. Гельмана и О. Бычковой, так как она адаптирована под российские города.

Результаты исследования демонстрируют следующие закономерности. Территорию Губахинского городского округа можно считать успешно развивающейся. Согласно рейтингу Муниципалитетов Пермского края на 2020 год городской округ занимает 8 место из 45 муниципалитетов. На территории расположено несколько крупных предприятий, которые составляют основу экономики округа: ПАО «Метафракс Кемикалс», ОАО «Губахинский Кокс» и Всесезонный курорт «Губаха». В городском округе расположено много предприятий малого бизнеса, которые связаны с сферой обслуживания. С 2017 года главой Губахинского городского округа является Н.В. Лазейкин. В локальной легислатуре 8 депутатов из 20 являются представителями Метафракса. Помимо этого, у предприятия есть лобби в федеральном центре.

Рассматривая взаимодействие бизнеса и власти, информанты указывали на несколько ключевых направлений: решение проблемы оттока молодежи, вопросы экологии, вопросы инфраструктура, а также тематики здравоохранения, жилищного строительства, дорожной инфраструктуры и культурные учреждений. По данным направления представители бизнеса и властных структур взаимодействуют друг с другом чаще всего. Информанты указывают, что бизнес активно помогает муниципальной администрации – особенно (но не исключительно) в сферах, которые могут помочь развитию предприятия.

В городе Кизил, наоборот, сложилась неблагоприятная социально-экономическая ситуация. По рейтингу Пермьстата город занимает одни из последних мест по уровню социально-экономического развития. На территории округа отсутствует крупный бизнес. В самом городе Кизил присутствуют три предприятия среднего бизнеса, однако основу доходов округа составляют трансферты из регионального бюджета. С 2018 года главой городского округа «город Кизил» является А.В. Родыгин. В местной думе большинство мест у представителей муниципальных организаций.

Рассматривая взаимодействие бизнеса и местных властей, респонденты отмечали, что бизнес играет незначительную роль, тогда как основным политическим актором является местная администрация, финансово зависимая от региональных властей. Вместе с тем, информанты отмечают, что локальная администрация использует ресурсы малого бизнеса для финансирования программ благоустройства придомовой территории и малых локальных инфраструктурных проектов.

Результаты сравнительного исследования показывают, что конфигурацию взаимодействия власти и бизнеса определяет сила и степень фрагментированности последнего. Соответственно и степень вовлеченности бизнеса в муниципальную политику будет зависеть от объема ресурсов предприятия, локализации бизнеса (основное предприятие или филиал), степени интернационализации бизнеса

(значимость репутации). По итогам анализа был сделан вывод, что в Губахе сложился режим Большого бизнеса («захват государства»). В свою очередь в Кизеле сложно говорить о складывании хоть какого-то режима, из-за отсутствия крупного бизнес-актора. Поэтому из-за наличия серьезных экономических проблем данная территория находится в зависимости от региональных властей и дотаций с их стороны, тогда как представители среднего и малого бизнеса из-за ограниченности ресурсов находятся в более зависимом положении от муниципальных администраций.

Библиографический список:

Бычкова О.В., Гельман В.Я. (2010) Экономические акторы и локальные режимы в крупных городах России, *Неприкосновенный запас*, сс. 73–82.

Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации по Пермскому краю (2023). База данных показателей муниципальных образований Пермского края. URL: https://59.rosstat.gov.ru/main_indicators (дата обращения 10.05.2024).

Stone C.N. (1989) *Regime politics: governing Atlanta, 1946-1988*. Lawrence, Kan: University Press of Kansas. 314 p.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

ДИНАМИКА ЕВРОПОЗИТИВИЗМА СТРАН ЕВРОЗОНЫ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ДОЛГОВОГО КРИЗИСА

Бородин Егор Константинович

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, Букирева, 15

Экономическое благосостояние играет центральную роль в жизни подавляющего большинства людей. Посредством обеспечения возможностей удовлетворения базовых потребностей, доступности социальных услуг, расширения перспектив карьерного роста экономическое благосостояние определяет общественные настроения и политические предпочтения граждан. В рамках единого экономического пространства Еврозоны подобную связь экономики и политики можно проследить в корреляции двух показателей: динамике евроскептических настроений граждан европейских государств и динамике долгового рынка экономического объединения.

С момента создания Еврозоны в 1999 году в подавляющем большинстве государств валютного Союза наблюдался постоянный дефицит бюджета, который нередко покрывался долговыми обязательствами [Trading Economics, 2023]. После мирового финансового кризиса 2008 года и последовавшего за ним долгового кризиса Еврозоны, корпорации и домохозяйства государств более 10 лет продолжали существовать в условиях процентных ставок «нулевых», дешёвые кредиты по которым являлись основным драйвером восстановления экономик [Trading Economics, 2023]. В условиях длительного периода дешёвых денег изменения на рынке долга приводят к сокращению расходов государств, корпораций и домохозяйств, что неизбежно ведет к снижению экономической активности и уровнях жизни населения.

До 2008 года государства-члены Еврозоны демонстрировали стабильный экономический рост на фоне относительно небольшого дефицита бюджета и относительно низкой закредитованности большинства акторов. Ипотечный кризис 2008 года, начавшийся в Соединенных Штатах Америки, вызывал цепную реакцию по всему миру, в том числе и в Европейском Союзе. Экономике стран Еврозоны испытали колоссальный отток денежных средств, который, в свою оче-

редь, начал компенсироваться все большими заимствованиями, особенно, в странах Южной Европы [Macro Micro, 2023]. Правительства государств с наиболее пострадавшими национальными экономиками вместо сокращения расходов стали покрывать несоответствующие доходам затраты дополнительными заимствованиями, что никак не ограничивалось европейскими регуляторными органами.

На фоне роста необеспеченных кредитов в начале 2010-ых годов начал рушиться рынок облигаций, в первую очередь, стран Южной Европы, что без вмешательства извне привело бы к дефолту таких государств, как Греция, Португалия, Ирландия [Art, 2015]. В ответ на подобные риски по инициативе Германии Союзом был создан Европейский фонд стабильности и развития, а затем объявлены программы выкупа облигаций экономически наименее надежных национальных экономик [Art, 2015]. Ситуацию удалось стабилизировать списанием долгов и выкупом облигаций на общую сумму около 700 миллиардов евро. Таким образом, кризис был погашен и основным донором оказалась Германия (около трети общего объема), которая с наименьшими проблемами на собственном рынке долга влила наибольшее количество государственных денег от налогоплательщиков в экономики других стран, национализировав чужие убытки [Art, 2015].

В рамках периода экономического роста до 2008 года показатели европозитивизма во всех государствах Еврозоны, как подчеркивают эксперты, оставался стабильно высоким [Demosthenes et al., 2015]. Уровень европозитивизма был измерен и зафиксирован по итогам национальных выборов на основе базы данных «Manifesto Project» [Manifesto Project, 2023]. В период 2006-2009 годов в подавляющем количестве государств наблюдались пики европозитивистских настроений на фоне роста экономик с начала 2000-ых годов. После 2008 года в результате падения общего уровня жизни и наращивания долгов тенденция меняется в сторону спада европозитивизма. По результатам проведенного дескриптивного статистического анализа, государства с регулярным дефицитом бюджета на протяжении 2010-2020-ых годов (экономика которых не восстановилась до уровня 2008 года), имеют схожую динамику в вопросе одобрения европейского проекта. Наблюдается стабильный 20-летний тренд на падение европозитивизма и объясняется отсутствием значимого роста экономики, а значит и уровня жизни большинства граждан.

Исключением из подобного тренда евроскептицизма является Германия, испытавшая меньший спад экономики, не нарастившая долг и вышедшая на докризисные показатели по ВВП уже в 2011 году. Вместе с тем, в случае Германии как экономического локомотива объединения, без которого невозможен был вы-

ход из долгового кризиса, наблюдается другая закономерность – обратная корреляция показателей европозитивизма с процентами ставками по облигациям наименее надежных эмитентов. Подобная тенденция вполне закономерна: чем выше ставка по бондам стран Южной Европы, тем больше Германия была вынуждена на национальные средства выкупать облигации ненадежных эмитентов и списывать им долги. На федеральных выборах в Германии 2013 году популярность европозитивистских настроений была минимальной. В этом же году образовалась и обрела популярность одна из главных евроскептических партий в Еврозоне – «Alternative for Germany».

На современном этапе ситуация дополнительно характеризуется функционированием «печатного станка» в ответ на рецессию во время пандемии COVID-19, запуск которого краткосрочно привел к повышению экономической активности и, соответственно, удовлетворительных показателей на рынке долга (прежде всего, благодаря безлимитному вливанию денег со стороны Европейского центрального банка). Количество активов на балансе ЕЦБ за два года удвоилось по сравнению с предыдущими 20 годами [Trading Economics, 2023]. Вместе с тем, необходимо отметить, что в краткосрочной перспективе двух лет подобная экономическая политика привела к росту инфляции, на который ЕЦБ был вынужден отвечать циклом повышения процентных ставок и сокращением выкупа активов на свой баланс [Trading Economics, 2023].

Экономическая активность в Еврозоне вернулась на уровень 10-летней давности, доходности облигаций стран Южной Европы вновь непропорционально бумагам надежных эмитентов пошли вверх [Trading Economics, 2023]. На этом фоне интересна динамика евроскептицизма в Германии. С одной стороны, популярность европозитивизма в Германии на федеральных выборах 2021 года была близка к рекордно высоким показателям 2009 года, что свидетельствует о поддержке и позитивной реакции на такие экономические меры. С другой стороны, популярность правящей коалиции составляет рекордно низкие 34%, а главные евроскептики – «Альтернатива для Германии», напротив, обладают рекордно высокой поддержкой в 21% [Politico, 2023]. В остальных странах Еврозоны ситуация схожая: вместе с общим экономическим спадом текущие центристские или социал-демократические правительства теряют популярность, тогда как электоральную силу приобретают правые и евроскептики.

Есть основания полагать, что европейский мир ожидает новый глобальный экономический кризис, поскольку в рецессию погрузилась большая часть стран Еврозоны. Ключевая причина подобных экономических трудностей кроется в отсутствии единой имплементируемой фискальной политики. Несмотря на формальное функционирование института Маастрихтских критериев (госдолг на уровне не выше 60% ВВП, дефицит бюджета на уровне не выше 3%), акторы

Еврозоны пренебрегают критериями, а в период крупных кризисов проблемы решаются искусственным созданием спроса на облигации и печатанием денежной массы, а не сокращением расходов, как того требуют рыночные законы. Судьба Евросоюза, помимо прочего, зависит и от того, как на подобные экономические вызовы ответят регуляторные органы Еврозоны на последующие декады.

Библиографический список:

Art D. (2015) The German Rescue of the Eurozone: How Germany Is Getting the Europe It Always Wanted, *Political Science Quarterly*, 130 (2), pp. 181-212.

Demosthenes I., Jean-Francois J., Kleibl J. (2015) *Working Paper Series Spillovers and Euroscepticism*. №1815/ June 2015. URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecbwp1815.en.pdf> (date of access: 20.12.2023).

Macro-Micro. PIIGS. Gross Government Debt (% of GDP). URL: <https://en.macromicro.me/collections/546/euro-debt/6103/govt-gross-debt-gdp-percent-piigs> (date of access: 20.12.2023).

Manifesto Project. URL: <https://manifesto-project.wzb.eu/> (date of access: 20.12.2023).

Politico (2023). Germany, National parliament voting intention. URL: <https://www.politico.eu/europe-poll-of-polls/germany/> (date of access: 20.12.2023).

Trading Economics (2023). Euro Area Central Bank Balance Sheet. URL: <https://tradingeconomics.com/euro-area/central-bank-balance-sheet>

Trading Economics (2023). Euro Area Interest Rate. URL: <https://tradingeconomics.com/euro-area/interest-rate> (date of access: 20.12.2023).

Trading Economics (2023). Euro Area Manufacturing PMI. URL: <https://tradingeconomics.com/euro-area/manufacturing-pmi> (date of access: 20.12.2023).

Trading Economics (2023). Euro Area Government Budget. URL: <https://tradingeconomics.com/euro-area/government-budget> (date of access: 20.12.2023).

Trading Economics (2023). Euro Area Government Debt to GDP. URL: <https://tradingeconomics.com/euro-area/government-debt-to-gdp> (date of access: 20.12.2023).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СААМСКИХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЦИРКУМПОЛЯРНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Давыдов Владислав Юрьевич

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
163002, Архангельск, Северной Двины, 17

В последние несколько лет Арктика и циркумполярный регион в целом привлекает к себе внимание как исследователей, так и политиков. Подобный интерес связан, прежде всего, с ресурсным потенциалом региона и его геополитическим значением. При этом, не стоит забывать, что Арктика – это территория, где проживают представители более тридцати различных народов и этносов, которые значительно влияют на общественный и политический климат в регионе. Одним из таких народов являются этнические саамы, проживающие на территории сразу четырех северных государств (Российской Федерации, Королевства Норвегии, Королевства Швеции, Республики Финляндия) и имеющие достаточно развитую сеть общественно-политических организаций.

Настоящая исследовательская работа посвящена деятельности саамских общественно-политических организаций и сравнительному анализу их эффективности. Сравнительный анализ проведен по следующим критериям: (1) успешно реализованные инициативы, (2) степень вовлеченности представителей саамского этноса в деятельность организации, (3) политическая коммуникация и налаживание связи с центральным правительством той или иной страны.

Идея создания саамских общественно-политических организаций представляется достаточно новой. Первые попытки создания таковых предпринимались в странах Северной Европы с 1980-ых годов, когда в контексте формирования государства всеобщего благосостояния саамские активисты стали требовать защиты прав своего народа на использование национального языка, ведения традиционных промыслов и других преференций. При этом, вплоть до середины 20 века во многих скандинавских государствах велась политика ассимиляции по отношению к саамам, тогда как в СССР подобных тенденций не наблюдалось и советское государство, напротив, поддерживало общественную и экономическую деятельность саамских организаций. Первые саамские организации появляются на территории Кольского полуострова уже после распада Советского со-

юза. Их формирование в большей степени обусловлено стремлением к конструированию институциональных мостов с саамами, проживающими в Скандинавских государствах.

Уже в 1980-1990-ые годы, впервые в Норвегии, а затем и в остальных нордических государствах, возникают саамские парламенты. Идея организации саамских парламентов как представительных органов формируется в ходе масштабных акций протеста против строительства крупных национальных предприятий на саамских оленьих пастбищах, а также против промышленной добычи красной рыбы в реках восточной части Норвегии. Саамские активисты в Норвегии добились принятия норвежским правительством в 1987 году «Закона о саамах», которые устанавливал право самоуправления в ряде территорий, где большинство составляли этнические саамы. На основе данного закона уже в 1989 году прошли первые выборы в саамский парламент в Норвегии. Первые десятилетия работы саамского парламента были посвящены защите прав саамского народа на природопользование, введению изучения саамского языка и культуры в образовательных системах. Уже с конца 1990-х годов саамский парламент в Норвегии ведет работу по согласованию решений разных административных уровней с интересами саамского сообщества. Наиболее свежие инициативы саамского парламента в Норвегии посвящены борьбе за право вето на горнодобывающую промышленность в Финнмарке, которая активно действует с 2013 года. Саамский парламент в Норвегии представляется крайне эффективным политическим образованием и активно вовлекает саамское сообщество в политические процессы, подтверждением чему служит региональная партийная система – в саамском парламенте представлено семь разных саамских политических партий.

В 1993 году вслед за норвежским появляется саамский парламент в Королевстве Швеция. В отличии от норвежского случая шведское правительство предоставило более скромную политическую компетенцию саамскому парламенту – он выполняет функции органа культурного самоуправления. Главная задача саамского парламента в Швеции – борьба за признание саамского языка как официального, что было достигнуто в 2008 году при реформировании шведской языковой политики. Необходимо также отметить, что несмотря на ограниченные институциональные возможности, саамский парламент Швеции активно поддерживает выступления активистов против промышленного освоения саамских угодий, которые зачастую завершаются успехом (по модели норвежских коллег).

В 1996 году саамский парламент появляется и в Финляндской Республике. Появляется он при реформировании специального консультативного органа «Саамская делегация», осуществляющего собственную деятельность еще

с 1973 года. Несмотря на институциональную поддержку со стороны государства и авторитет среди рядовых саамов в Северной Финляндии, саамский парламент Финляндии в основном занимается вопросами культурной политики, как и в случае Швеции, но на последних этапах получает также и компетенции в области социальной политики – в области образования и здравоохранения в регионе Лапландии.

В Российской Федерации по причине особенностей правового поля саамское общественно-политическое представительство осуществлено не посредством парламента, а через институт Ассоциации кольских саамов России, осуществляющий деятельность с 1992 года. Данная организация ставит перед собой целью «содействие социально-экономическому развитию кольских саамов». Несмотря на то, что ассоциация не наделена правом законодательной инициативы или консультативного органа, саамы весьма вовлечены в ее деятельность – представительные отделения открыты более чем в десяти населенных пунктах Мурманской области. Современная деятельность организации сводится, преимущественно, к популяризации саамского языка, организации культурных фестивалей, организации работы национального культурного центра.

Эффективность деятельности общественных организаций коренных народов Арктики зависит от институциональных рамок и правового поля национальных государств. Наиболее эффективной саамской организацией является норвежская вариация – саамский парламент Норвегии – ввиду высокого уровня вовлеченности саамского сообщества, широкого спектра полномочий, а также большого количества реализованных инициатив.

Библиографический список:

Куропятник А., Куропятник М. (1999) Саамы: современные тенденции этносоциального и правового развития, *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2 (4), сс. 172–177.

Саблина М.А. (2018) Саамы в странах Северной Европы, *Россия в глобальном мире*, 35-36, сс. 86–92.

Kusmenko J. (2004) *The Sami and the Scandinavians. The aspects of 2000 years of contact*. Hamburg. 238 p.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ ГОСУДАРСТВ АРКТИКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Поварешкин Леонид Владимирович, Смыковский Егор Алексеевич,
Северный (Арктический) федеральный университет,
163002, Архангельск, набережная Северной Двины, 17

Арктика на современном этапе привлекает значительный интерес со стороны мирового сообщества, в виду чего повышается и внимание к различным аспектам политики, проводимой арктическими государствами, в том числе и языковая политика. Актуализируется вопрос о том, как языковая политика арктических государств влияет на коренные народы и этносы региона. Сравнительный анализ, представленный в настоящей работе, сконцентрирован на следующих арктических государствах: Российская Федерация, Финляндия, Швеция, Норвегия и Канада.

В Финляндии саамы, цыгане и другие малочисленные народы на территории страны имеют право сохранять и развивать собственный самобытный язык вместе с культурой наравне с этническими финнами. Использование их языка в государственных органах регулируется законом, как и право тех, кто пользуется языком жестов и тех, кто пользуются помощью толкователя и переводчика. Арктическая стратегия Финляндии не приводит конкретных мер по языковой политике, но вместо этого предлагает более общие стратегические цели в их отношении.

Саамский язык является наиболее используемым среди коренных народов Норвегии. Саамский и норвежский языки равноправны, но в отношении саамского есть свои политические особенности. Так, любой, кто обращается в письменной форме на саамском языке в региональный государственный орган, имеет право на письменный ответ на саамском языке. Законы, представляющие особый интерес для всего или части саамского населения, должны быть переведены на саамский язык. Это правило сохраняется и для публикаций государственных органов власти. Помимо саамского языка в арктической стратегии Норвегии также указывается, что «квенский язык признан языком меньшинства в Норвегии», а «квенские организации и сообщества работают над возрождением квенского языка и культуры». Однако, конкретных действий, направленных на реализацию данного заявления, при поиске эмпирических данных обнаружено не было.

Языками национальных меньшинств в Швеции являются финский, идиш, мянкиели, цыганский и саамский языки. Государственные органы несут особую

ответственность за защиту и продвигать языки национальных меньшинств. Главной проблемой языковой политики Швеции в целом является её общая непроработанность ввиду сравнительно малой правовой базы – акт о языковой политике в Швеции был принят только в 2009 году [Чекалина, 2019].

Вместе с тем, стоит отметить, что Финляндия, Швеция и Норвегия в 2016 году подписали Северную Саамскую Конвенцию, в которой закреплены общие права саамов, саамское самоуправление, а также саамский язык и культура. В последнем разделе подписавшими государствами закрепляются языковые права саамов, ответственность государств за саамский язык, действия в отношении саамских СМИ, а также саамское образование и исследования, что заметно улучшает положение саамов, которые являются наиболее многочисленным коренным народом Севера в каждом из подписавших государств [The Governments of Finland, Norway and Sweden, 2016].

Что касается Канады, то Конституционный акт 1982 года определяет полное право индигенных народов на собственный язык [Maton, 2014]. В арктической стратегии Канады языковая политика в отношении коренных малочисленных народов напрямую почти не затрагивается, но упоминается тот факт, что при её составлении привлекались представители коренных народов. Языковая политика Канады в целом может характеризоваться как совместная и синтезированная – она представляет собой сочетание нескольких языковых политик: централизованной, осуществляемой федеральным правительством, и региональных, проводимых провинциальными правительствами, в частности Квебека.

В Российской Федерации гарантируется право на развитие, сохранение и использования языков коренных малочисленных народов Севера (КМНС) и гарантируется их равноправие. На территории проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за их пределами, наряду с русским языком и государственными языками республик, в официальных сферах общения может использоваться язык населения данной местности. В законе выделяются меры защиты языков КМНС: социальная, экономическая и юридическая. Кроме того, совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере образования и культуры в отношении КМНС являются пунктами в арктической стратегии России до 2035 года, что подтверждает намерение российских органов власти продолжать поддержку КМНС в данной и в других сферах.

Отдельно стоит отметить, что языковая политика выстраивается по-разному между странами Северной Европы и Россией/Канадой – на различия в первую очередь влияет непосредственно количество коренных малочисленных народов. В случае российской и канадской федераций количество народов и эт-

носов исчисляется десятками и сотнями, что заставляет правительства ориентировать законодательство и программы на национальный и этнический плюрализм.

Библиографический список:

Чекалина Е.М. (2019) Особенности языковой ситуации и языковая политика в современной Швеции, *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, 6, сс. 9–22.

Maton W.F. (2014) *Constitution Act, 1982*. URL: https://www.solon.org/Constitutions/Canada/English/ca_1982.html (date of access 10.05.2024).

The Governments of Finland, Norway and Sweden (2016). *Nordic Saami Convention*. URL: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/aid/temadokumenter/sami/sami_samekonv_engelsk.pdf (date of access 10.05.2024).

ОПЫТ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН СКАНДИНАВИИ В ПРЕОДОЛЕНИИ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Стец Кристина,
Воронежский государственный университет,
394018, Воронеж, Университетская площадь, 1

В современном мире гендерный вопрос в политике актуализируется. На фоне этого национальные государства сталкиваются с новыми вызовами и кризисами, для предотвращения которых правительства начинают работать над выстраиванием гендерной политики. На сегодняшний день наиболее эффективно (с точки зрения политического гендерного равенства) справляются с реализацией гендерной политики страны Скандинавии. Подтверждением этому служат позиции государств в Индексе гендерного разрыва (Global Gender Gap Index): Норвегия – 3 место, Швеция – 5, Дания – 31.

Настоящая исследовательская работа посвящена предмету гендерной политики в Скандинавских странах – Норвегии, Швеции, Дании. Исследовательский вопрос – каковы факторы успеха гендерной политики в странах Скандинавии. Ключевыми методами исследования выступили: кейс-стади, теоретический анализ нормативно-правовых документов, сравнительный метод. Исследование теоретически базировалось на работах М.В. Штылёвой, изучающей реализацию

политики гендерного равенства в странах Северной Европы. Были также рассмотрены работы А.Н. Павловой, которая анализирует опыт Швеции в вопросе формирования политики равноправия полов, и работы А.В. Головина и О.В. Головиновой, в которых анализируется действие нормативно-правовых норм в странах Северной Европы.

Особенности гендерной политики Норвегии. Для норвежцев существенную роль долгое время играет религия, что позволяет говорить о более традиционном отношении к институту семьи и институту брака. На современном этапе в Норвегии вопросами, касающимися гендерного равенства, занимается Министерство по делам детей и семьи. Особенностью построения норвежской модели политического гендерного равенства является квотирование. В 1998 году Норвегия ввела положение, которое регламентировало минимальное представительство обоих полов в комитетах и советах в размере 40% от общей доли народных представителей. Начиная с 1970 года, норвежское правительство продвигает инициативы ООН. Подчёркивая глубокие связи с ООН, можно отметить, что комитеты по вопросам равенства в Норвегии были созданы в рамках подготовки к Международному году женщин.

Реализация гендерной политики в Швеции. Успех Швеции в вопросах реализации гендерной политики зависит от ряда факторов. Одним из них является тот факт, что с самого начала страна придерживалась построения концепции «народного дома». Идея данной концепции заключается в том, что никто в государстве не пользуется привилегиями. Именно благодаря этому в Швеции закрепились идея о равенстве полов. Между тем еще в 1970-1980-ые годы в Швеции присутствовали проблемы гендерного неравенства, для решения которых правительством была разработана гендерная политика. В рамках данной политики в 1974 году были введены специальные квоты, которые за каждым полом резервировали 40% рабочих мест. Швеция стала первой страной в мире, которая ввела гендерно-нейтральный отпуск по уходу за ребёнком (1974 год). В связи с введением квот существенно увеличился уровень занятости женщин и сократилась разница в оплате труда. Большое внимание в Швеции также уделяется развитию нормативно-правовой базы в отношении гендерного равенства. Стоит также отметить, что важным элементом шведского механизма по вопросам реализации гендерной политики является создание специализированных структур – например, в 2007 году было создано Министерство интеграции и гендерного равенства Королевства Швеции.

Развитие политики гендерного равенства в Дании. Ситуация, касающаяся гендерной политики и реализации её на практике, заметно отличается в Дании от Норвегии и Швеции. Отставание Дании от Швеции и Норвегии можно связать с тем, что в государстве уделяется мало внимания вопросам, которые напрямую

связаны с гендерной политикой – вопросы, касающиеся дискриминационной рекламы, сексуального насилия, домашнего насилия и другие вопросы. С 1970-ых годов Правительство Дании осуществляет меры по обеспечению гендерного равенства – в 1976 году государстве был принят специальный закон «О гендерном равенстве», нормы которого определяли равную оплату труда за равный труд. В 1980 году в Дании становится заметен явный гендерный дисбаланс в государственных органах власти. К 1985 году данную проблему постарались решить за счёт принятия закона о равенстве при назначении членов общественных и государственных комитетов, после чего все официальные комитеты в стране были переизбраны таким образом, что представителей мужского и женского полов в них стало поровну.

Скандинавские страны обладают богатым опытом в вопросе развития политики гендерного равенства. Ключевую роль по продвижению женщин на политическую арену берут на себя политические партии и создаваемые в них женские секции. Так за последние декады произошёл существенный рост числа женщин в парламентах изучаемых стран. Основные факторы подобного тренда можно обозначить следующим образом: введение специальных гендерных квот, создание специализированных структур (например, Министерство интеграции и гендерного равенства в Швеции), поддержка института семьи (например, возможность родителям брать отпуск по уходу за ребёнком).

При этом, необходимо отметить, что Норвегия и Швеция (по сравнению с Данией) наиболее успешно справляются с реализацией гендерной политики. Разрыв между странами связан с имеющимися проблемами в Дании в вопросах, касающихся гендерного равенства: низкое представительство женщин во властных структурах; табуированность некоторых тем, напрямую касающихся гендерной политики (например, дискриминационной рекламы).

Библиографический список:

Головинов А.В., Головинова Ю.В. (2022) Сущность и содержание принципа гендерного равенства в текстах нормативно-правовых актов скандинавских стран, *Юридическая техника*, 23, сс. 18–23.

Павлова А.Н. (2005) Формирование политики равноправия полов в Швеции в 1960-70-е годы. Москва: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Штылёва М.В. (2012) Реализация политики гендерного равенства в странах Северной Европы, *Женщина в российском обществе*, 1, сс. 140–151.

СОВРЕМЕННЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ В ЭСТОНИИ: ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Торгуд Анастасия Игоревна,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
194100, Санкт-Петербург, ул. Кантемировская д. 3, корп. 1

Настоящее исследование посвящено изучению роли языковой политики в формировании национальной идентичности как проявления национализма. Современный эстонский национализм является интересной и заслуживающей внимания темой для изучения. Выбор конкретного кейса обусловлен тем, что, во-первых, эстонские территории исторически входили в состав нескольких государств, и только с 1918 Эстония обрела суверенитет как национальное государство. Во-вторых, Эстонию можно рассматривать как этническую демократию, поскольку, согласно Индексу Демократии, в этом государстве существует демократический режим. Однако в Эстонии наблюдается устойчивая институционализированная этническая фрагментация, что подтверждает этнический характер национализма. Кроме того, после распада Советского Союза Эстония столкнулась с серьезной дилеммой национальной идентичности, поскольку население, проживающее на территории страны, оказалось разобщенным. Это коренным образом повлияло на эстонскую политику, в которой место России как правопреемницы СССР занимает образ другого [Petersoo, 2007].

Объектом исследования является проявление национализма в Эстонии, а сама работа посвящена проблеме роли языковой политики на формирование национальной идентичности, приобретение знаний по данной теме позволит глубже изучить современный национализм в Эстонии. Исходя из изученной литературы по выбранной теме, существующего политического контекста, вопрос исследования должен быть поставлен следующим образом: Как государственные деятели современной Эстонии используют языковую политику в процессе конструирования национальной идентичности?

Говоря о теоретической рамке данного исследования, здесь стоит отметить таких авторов, как Б. Андерсон и его теория воображаемых сообществ [Anderson, 1991], И. Тамир [Tamir, 2019], П. Пейкер [Peiker, 2018] и О. Ифтахель [Yiftachel, 2004], исследовавших гражданское и этническое направление национализма, В. Бунс и посткоммунистический контекст эстонского национализма [Bunce, 2005]. В то же время в качестве основной характеристики эстонского национализма рассматривается этнонационализм. Эта характеристика встречается в работах

О. Ифтахеля, П. Ярве [Jarve, 2000]. Для формирования теории также использовалась концепция сосуществующей национальной идентичности Г. Фельдмана [Feldman, 2008], а также теория П. Петерсоо об инаковости как основы формирования национальной идентичности [Petersoo, 2007], а также описаны аспекты взаимосвязи языковой политики и национальной идентичности Г. Фельдмана и М. Раннурта [Rannut, 2004].

В рамках данного исследования были проанализированы выступления эстонских политиков, а именно президентов и премьер-министров, занимавших эти посты с 2014 по 2023 год включительно. В открытом доступе было найдено 25 выступлений, в которых так или иначе затрагивалась тема языковой политики и национальной идентичности. Индуктивный качественный контент-анализ как метод позволил выделить в анализируемых текстах специфические категории, касающиеся темы исследования. В ходе анализа были выделены такие категории, как: значимость языка, сохранение эстонского языка и национальной культуры, вопросы образовательной политики, европеизация и европейская идентичность, единство всех меньшинств и народов Эстонии, безопасность Эстонии, борьба за сохранение эстонской идентичности, советское прошлое и его последствия, травма прошлого, связанная с депортацией и запретом эстонского языка. В смешанной методологии данного исследования, другим подходом к анализу выступлений стал дискурс-анализ, проведенный по аналогии работы Р. Водак [Wodak, 1999]. Так, были выявлены дискурсы, конструирующие национальную идентичность: принадлежность к нации и верность земле, образование как источник культурной общности, необходимость защиты языка и культуры от внешних угроз, объединение эстонского народа, коллективная и европейская идентичность. Также стоит отметить значение электорального цикла для формирования повестки, поскольку с его окончанием радикализация тем, связанных с национальной идентичностью, языком и образованием, усиливалась.

Таким образом, основным выводом данного исследования является то, что в контексте языковой политики современный эстонский национализм проявляет себя как гражданский, а не как этнический. Далее, основным критерием национальной идентичности в данном контексте является установленный на государственном уровне язык, соответственно связанный с гражданством. Дискурсивные смыслы, которые несет в себе язык, позволяют определить проявления национализма в контексте языковой политики. В данном случае государственная политика в области языка конструирует национальную идентичность, выраженную в определенном доминирующем дискурсе, который формирует культурный аспект национальной идентичности. Поэтому значение языка и его характеристики в общественном поле являются важным аспектом в изучении национализма и национальной идентичности.

Дискурсы, конституирующие национальную идентичность и изменения в языковой политике на государственном уровне, обусловлены такими факторами, как политическая ситуация в стране, электоральные циклы, глобальные процессы и военные конфликты, прошлое народа, а также факт совпадения этнической, гражданской и европейской идентичности у населения Эстонии. Отвечая на исследовательский вопрос данной работы, можно сказать, что политики используют нарративы, связанные с языком и языковой политикой, для того чтобы повлиять на национальную идентичность через установление языковых норм на государственном уровне. Исходя из анализа текстов, становится очевидным, что языковая политика последних лет была направлена на переход к эстоноязычному образованию, а также на стимулирование изучения государственного языка среди этнических меньшинств. «Другой» здесь – это не этнические меньшинства, а воображаемая угроза безопасности государства, исходящая извне. Так, подтверждается теоретическое предположение о том, что эстонская идентичность конструируется через национальную языковую политику и ее продвижение в общественном поле, непосредственно затрагивая вопросы государственного языка и образования на нем.

Библиографический список:

Anderson B. (1991) *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*, Verso, 224 p.

Bunce V. (2005) The national idea: imperial legacies and post-communist pathways in Eastern Europe, *East European Politics and Societies*, 19(03), pp. 406-442.

Feldman G. (2000) Shifting the perspective on identity discourse in Estonia, *Journal of Baltic Studies*, 31 (4), pp. 406-428.

Peiker P. (2018) Estonian nationalism through the postcolonial lens, *Coloniality, Nationality, Modernity*, Routledge, pp. 113-132.

Petersoo P. (2007) Reconsidering otherness: constructing Estonian identity, *Nations and nationalism*, 13(1), pp. 117–133.

Rannut M. (2004) Language policy in Estonia, *Noves SL. Revista de sociolingüística*, 1 (Spring-Summer), pp. 1-17.

Tamir Y. (2019) Not so civic: Is there a difference between ethnic and civic nationalism? *Annual Review of Political Science*, 22, pp. 1-16.

Wodak R., De Cillia R., Reisigl M. (1999) The discursive construction of national identities, *Discourse and Society*, 10(2), pp. 149–173.

Yiftachel O. (2004) Understanding ‘ethnocratic’ regimes: the politics of seizing contested territories, *Political geography*, 23(6), pp. 647-676.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В КОНТЕКСТЕ САНКЦИЙ В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Оборин Глеб Романович,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, Букирева, 15

С конца февраля 2022 года и до осени 2023 года Европейским Союзом было принято 11 санкционных пакетов в адрес Российской Федерации. Ограничения затрагивают различные сферы экономической и политической деятельности России. К числу наиболее «болезненных» санкций для обеих сторон относятся энергетика. В почти половине пакетов Евросоюз блокирует возможности для взаимодействия членов объединения с Россией в энергетической сфере. Наиболее суровыми стали шестой (2023) [Hesselink, Padberg, Bendermacher, Arif, 2023] и восьмой (2023) [Demertzis, McWilliams, 2023] санкционные пакеты, введшие эмбарго и ценовой потолок на покупку российской нефти. В это же время на уровне национальных государств всё чаще стали подниматься вопросы, касающиеся национальных энергетических отраслей [Marques, Junqueira, 2022]. В частности, остро встала проблема использования ядерной энергии как с прагматических (закупка топлива и обслуживание со стороны РФ), так и идеологических (низкая экологичность отрасли) позиций.

В связи с этим, целесообразно определить факторы динамики энергетической политики государств Европейского Союза в контексте санкционной политики в отношении Российской Федерации в период 2014–2022 годов. В работе был проведён анализ обширной нормативно-правовой базы национальных государств-членов ЕС и самого объединения. В неё вошли как стратегические и нормативные документы общеевропейского масштаба (например, «Чистая энергия для всех европейцев» (2023), «Зелёная сделка» (2023)), так и национальные законодательные акты (в частности, относящиеся к ФРГ, Франции, Венгрии и Польше). Помимо этого, в качестве эмпирической базы дополнительно использовалась экономическая статистика и социологические опросы населения, проводимые национальными службами и Евробарометром. Методологическая основа работы базируется на неоинституционализме, теории экономической безопасности и теории рационального выбора с применением трёх методов – контент-, дискурс- и интент-анализа.

Результатом работы стало выявление факторов, оказавших влияние на динамику энергетической политики самого Евросоюза, его членов, и одновременно на оба уровня. В случае ЕС и национальных кейсов были определены по семь факторов разного характера. Дальнейшее межуровневое сравнение показало, что больше половины факторов с позиции объединения, а именно «зелёная повестка», «энергетический импорт», «общеввропейский энергетический рынок», «европейская солидарность» – пересекаются на национальном уровне. Подобное объясняется активизацией общеввропейских интеграционных процессов в энергетической сфере начиная с конца 2000-ых годов, возрастание роли «Зелёной политики» на всех политических уровнях, зависимостью от внешних поставщиков энергоресурсов и иным.

Помимо этого, на основе получившихся результатов были выявлены две модели взаимодействия национального государства и Евросоюза в энергетическом секторе: лояльная и конфликтная. Выявление моделей происходило на основании нескольких критериев: принятие европейского энергетического курса; принятие идей зелёной повестки с реализацией и внедрением возобновляемых источников энергии; вопрос использования мирного атома в энергетике; готовность взаимодействовать в рамках единого энергетического и экономического рынка; конфликты при реализации энергетической политики; приоритет национальной энергетической политики над общеввропейской; отношение к Российской Федерации в рамках энергетической политики и принятие общеввропейской санкционной политики. В рассматриваемой типологии, первый подтип – принятие общеввропейского курса с наименьшими издержками (Германия и Франция). Второй подтип – борьба за преференции в энергетическом секторе (Венгрия и Польша).

Библиографический список:

Demertzis M., McWilliams B. How much will the EU pay Russia for fossil fuels over the next 12 months? URL: <https://www.bruegel.org/analysis/how-much-will-eu-pay-russia-fossil-fuels-over-next-12-months> (date of access 10.05.2024).

Hesselink T., Padberg M., Bendermacher T., Arif, S. EU sanctions measures against Russia (update). URL: <https://kneppelhout.com/news/eu-sanctions-measures-against-russia/> (date of access 10.05.2024).

Marques A., Junqueira T. (2022). European energy transition: Decomposing the performance of nuclear power, *Energy*, 245(3), pp. 123-244.

ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

*Жданов Арсений Александрович, Имамов Гадель Zufарович,
Карпусь Владимир Александрович, Тихонов Никита Дмитриевич,*
Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел России,
119454, Москва, Вернадского, 76

Понятие «Центральная Европа» в течение истории претерпело множество изменений. Вслед за ним менялось и восприятие границ региона, а также идентичности проживающих на данной территории народов. Настоящий вопрос достаточно хорошо освещен в отечественной и зарубежной историографии. Научная новизна данной статьи заключается в периодизации процесса развития центрально-европейской идентичности на основе типологии акторов, конструирующих понятие «Центральной Европы».

Методология данной работы основана на конструктивизме норм Николаса Онуфа, выделявшим три типа конструируемых правил: (1) инструктивные, задающие структуру и институциональную рамку; (2) директивные, создающие иерархию рангов, и (3) правила участия, распределяющие функциональные роли [Onuf, 1989]. Динамика развития центрально-европейской идентичности анализируется авторами с точки зрения проработанности данных трех типов правил. Методом данной работы является анализ источников и историографии по данной предметной области.

Впервые вопрос об уникальном географическом положении германоязычных государств в начале XIX века был поставлен в немецкой историографии, где исследовательские акценты были расставлены, преимущественно, в отношении идея гегемонии германцев над землями Габсбургов [Arndt, 1818]. Негерманская историография также выделяла термин «Центральная Европа». Чешский историк и политический мыслитель Франтишек Палацкий оправдывал существование империи Габсбургов тем, что она была единственным защитным барьером от России, которая является угрозой для всей Европы [Kundera, 1984]. Однако, после поражения при Садовой были разрушены проекты «великогерманского» объединения Центральной Европы.

С точки зрения конструктивистской методологии, на протяжении большей части истории австрийской Вене удавалось достаточно успешно задавать все три типа правил. После 1848 года многонациональной империи все сложнее удается задавать правила участия, а именно четко обозначать «союзников, конкурентов и врагов» [Alekseeva, 2019]. Этим обуславливается поражение «габсбургской» центрально-европейской идентичности Вены перед лицом набирающего силу Берлина.

«Геополитический» период становления понятия «Центральная Европа» характеризуется доминированием Германской империи как актора и немецкой школы геополитики как ключевой теоретической рамки осмысления Центральной Европы. В дальнейшем эти взгляды получили свое продолжение в трудах Фридриха Наумана, квинтэссенцией чего стала работа «*Mitteleuropa*», после которой «*Срединная Европа стала пламенным лозунгом*» [Naumann, 1899]. Австро-Венгерское влияние в Центральной Европе не игнорировалось, выдвигалась также идея о включении в Центральную Европу и Нидерландов, учитывая возрастающие роли венгерского и славянского факторов [Naumann, 1899]. «Геополитическому» истолкованию проблемы центрально-европейской идентичности в целом удалось создать все три вида правил. Данная концепция объединила как правые, так и левые круги немецкой и австро-венгерской политики, что демонстрирует ее способность к интеграции различных акторов.

Уже в межвоенный период XX века формирование центрально-европейской идентичности перемещается на Восток. Данный период характеризуется восполнением военно-политического вакуума. Века нахождения в составе империи отразились на самовосприятии образованных после Первой мировой войны новых и суверенных национальных государств. Джорджо Агамбен справедливо замечает: «*национальная принадлежность не означала государственной идентичности*», поэтому предпринимаются попытки сформировать новую концепцию Центральной Европы, что отражает «ностальгию» по наднациональной идентичности [Agamben, 2023].

Так в 1920-ые годы Чехословакия, Румыния и Югославия образуют Малую Антанту для укрепления пошатнувшегося баланса. С другой стороны, со стороны Юзефа Пилсудского, выдвигается идея «*Междуморья*». Сама же идея «*Междуморья*» была попыткой «полонизировать» германскую идею «*Миттель-европы*» [Johnson, 1996], выдвинуть в качестве системообразующего актора Центральной Европы Польшу. Сильным разъединяющим фактором было несовпадение интересов стран-членов Центральной Европы. Здесь прослеживается незавершенность конструирования директивных правил – иерархия статусов акторов в новой Центральной Европе не была выстроена, а правила участия так и не были четко определены.

После начала 1930-ых годов понятие Центральной Европы входит в дезинтеграционный период. Новым восточно- и центрально-европейским государствам не удалось сформировать устойчивую и при этом отличную от германо-австрийской интерпретацию данного понятия. В то же время в самой Германии, становящейся все более реваншистской, идентичность, основанная на центрально-европейском пространстве, более не представляет интереса для теоретиков и в целом широких слоев населения.

В годы холодной войны уже не остается акторов, которые были бы способны сформировать независимое от двух блоков видение региона, понятие «Центральная Европа» теряет смысл. Уже по окончании холодной войны перед бывшими странами-участницами Варшавского блока встал вопрос о самоопределении и осознании своего геополитического места в мире. Перспектива получить экономическую поддержку со стороны Западной Европы не могла не привлекать Чехословакию, Польшу и Венгрию – в связи с чем, в 1991 году, они создают «Вишеградский треугольник». Дискурс объединения вокруг немецкого мира был отвергнут, на первый план выходил концепт неославистского объединения народов. Локальный национальный дискурс в демократических Польше, Венгрии и Чехословакии выходил на первый план и в результате синтеза образовывал евроинтеграционную и постсоциалистическую «Центральную Европу». Сейчас заметен особенный рост самостоятельности стран Вишеградской четверки, этими государствами на первый план выдвигается дискурс евроскептицизма [Шишелина, 2023]. Инструктивные правила в рамках новой «Центральной Европы» определяются коллективным принятием решений в рамках организации Вишеградской четверки. С точки зрения директивных правил, ранги стран равноценны. Рассматривая аспект правил участия, следует сказать, что Польша и Венгрия стали в последние годы на фоне миграционного кризиса символами евроскептицизма и апологетами «правого поворота».

Библиографический список:

- Шишелина Л. *Центральная Европа в конце второго десятилетия XXI в.* URL: <https://russiancouncil.ru/2019-centralsoutheasteurope> (дата обращения 10.05.2024).
- Alekseeva T.A. (2019) *Theory of International Relations as a Political Philosophy and Science*, Moscow: Aspect Press Publ. 608 p.
- Agamben G. *L'Impero Europeo*. URL: <https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-l-u2019impero-europeo> (date of access: 10.05.2024).
- Arndt E.M. (1818) *Geist der Zeit*. 4 Teil. Leipzig. 606 pp.
- Johnson L. (1996) *Central Europe: enemies, neighbors, friends*, New York: Oxford University Press, 360 p.
- Kundera M. (1984) The Tragedy of Central Europe, *The New York Review of Books*, 31 (7). URL: https://is.muni.cz/el/1423/jaro2016/MEB404/um/Kundera_1984.pdf (date of access: 23.10.2023).
- Naumann F. (1899) Aus Holland, *Die Hilfe*, 33, pp. 3-14.
- Onuf N.G. (1989) *World of our making. Rules and Rule in Social theory and International Relations*, London: Routledge, 368 p.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТУРКМЕНО-ТАДЖИКСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Курбанов Назар Исламович,

Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел России,
119454, Москва, Вернадского, 76

Тема международных отношений Туркменистана и Таджикистана актуальна по нескольким причинам. Во-первых, на фоне украинского кризиса и «поворота России на Восток» значимость Центральной Азии как транспортного коридора возросла. Во-вторых, на фоне вывода американских войск из Афганистана и стремления правительства государства повысить собственную международную легитимность экономические отношения Туркменистана и Таджикистана напрямую связаны в силу пространственных характеристик.

Целью исследования в подобном контексте выступает анализ степени развитости туркмено-таджикских экономических отношений на современном этапе и оценка их перспектив. В ходе исследования использовались методы сравнительного экономического и геополитического анализа, а также мониторинг материалов средств массовой информации.

Туркмено-таджикские международные отношения на современном этапе ориентированы, прежде всего, на экономическую составляющую. В первую очередь, необходимо обозначить институты, которые обеспечивают функционирование туркмено-таджикского экономического диалога. Среди таких структур можно выделить следующие: многосторонние саммиты (Европейский союз и Центральная Азия, Япония и Центральная Азия, Российская Федерация и Центральная Азия, совещание глав государств Центральной Азии, трёхсторонний саммит между Туркменистаном, Таджикистаном и Узбекистаном и т.д.); двусторонние официальные встречи и визиты на высшем и высоком уровнях; туркмено-таджикская межправительственная комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству.

Несмотря на в целом низкие темпы двусторонней торговли на современном этапе, экономические отношения между Туркменистаном и Таджикистаном сегодня получают новый мощный толчок в топливно-энергетической и транспортной сферах. В топливно-энергетической сфере можно выделить следующие инициативы. Во-первых, в августе 2023 года Туркменистан предложил Таджикистану и Узбекистану стратегическое партнёрство в газовой сфере – имея в виду тот факт, что Российская Федерация в 2023 году заключила «газовый союз»

с Узбекистаном и Казахстаном, то политика Туркменистана является стратегически выверенным шагом на пути к расширению такого союза [РИА Новости, 2023]. Во-вторых, в дополнение к уже имеющимся мощностям газопровода «Туркменистан – Китай» стороны ещё в 2013 году подписали соглашение о строительстве линии D, которая пройдёт по территориям Таджикистана и Кыргызстана и увеличит совокупную пропускную способность газопровода до 65 млрд кубических метров в год (строительство, согласно заявлениям Китайской национальной нефтяной корпорации (CNPC), идёт «полным ходом») [Daryo, 2023]. В-третьих, система линий электропередачи Туркменистан–Афганистан–Таджикистан – на фоне обсуждения строительства транс-афганской железнодорожной магистрали из Туркменистана в Таджикистан, обсуждение строительства электрической инфраструктуры от туркменского города Керки через территорию Афганистана до пакистанского Пешавара и экспорта электроэнергии из самого Таджикистана в Афганистан по линии «Сангтуда – Пули-Хумри» приобретает дополнительную актуальность [Sputnik, 2020].

В транспортной отрасли также выдвинута целая группа стратегически важных инициатив для сотрудничества. Во-первых, мультимодальный транспортный коридор Таджикистан-Узбекистан-Туркменистан-Иран-Турция (ТУ-ТИТ) – инициатива была предложена в феврале 2022 года на 11-ом совещании министров транспорта стран Организации Экономического Сотрудничества, а уже в сентябре 2023 года уже состоялось первое заседание рабочей группы по данному проекту. Во-вторых, трансграничный коридор Таджикистан-Афганистан-Туркменистан (транс-афганская магистраль) – Туркменистан ещё в 2016 году построил собственный участок Атамырат-Имамназар-Акина, однако строительство было прервано политической нестабильностью в Афганистане. В-третьих, мультимодальный транспортный коридор Китай-Таджикистан-Узбекистан-Туркменистан с выходом на Каспийское море и Персидский залив – данная инициатива вписывается сразу в два мегапроекта: в транспортный коридор Узбекистан-Туркменистан-Иран-Оман-Катар и в инициативу «Один пояс, один путь» Китайской Народной Республики, чтократно повышает шансы на её реализацию.

Таким образом, можно полагать, что есть устойчивые предпосылки для развития международных экономических отношений между государствами. Туркменистан и Таджикистан обладают весьма развитой институциональной базой, которая постепенно расширяется и укрепляется. Несмотря на то, что темпы двусторонней торговли незначительны в настоящее время, они имеют тенденцию к росту в силу улучшения экономического положения Таджикистана, а также в силу поворота Российской Федерации на Восток, что автоматически повышает инвестиционную привлекательность дорогостоящих транспортных и

энергетических проектов. Наблюдается возрождение прежних (и формулирование новых) проектов в транспортной и энергетической отраслях, которые могут связать Туркменистан и Таджикистан либо через Афганистан, либо через Узбекистан, что ориентирует на прогноз о повышении темпа двусторонней торговли и глубине экономических отношений между государствами.

Библиографический список:

Газовый союз России, Узбекистана и Казахстана может расширяться. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20230811/soyuz-1889410919.html> (дата обращения 10.05.2024).

Китай «полным ходом» строит новый газопровод из Туркменистана. Daryo. URL: <https://daryo.uz/ru/2023/10/20/kitaj-polnym-hodom-stroit-novyj-gazoprovod-iz-turkmenistana> (дата обращения 10.05.2024).

Туркменистан заключил соглашение с Турцией о строительстве ЛЭП до Афганистана. Sputnik. Таджикистан. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20200127/Turkmenistan-soglashenie-Turkey-stroitelstvo-LEP-Afganistan-1030607455.html> (дата обращения 10.05.2024).

ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ DE FACTO ГОСУДАРСТВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Некрасов Вячеслав Анатольевич,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, Букирева, 15

В современном мире международное признание на уровне государств-членов Организации Объединённых Наций является тем водоразделом, который определяет статус актора, контролирующего ту или иную территорию. Актор, не получивший международного признания, не может считаться суверенным государством в рамках современного международного права. Согласно Конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государств 1933 года, признание национального государства означает, что признающее государство принимает статус другого государства как субъекта международного права, обладающего всеми правами и обязанностями. Признание такое обычно является безусловным и безотзывным. Вместе с тем, международное признание как строгая институциона-

лизированная практика, закреплённая в международном праве, отсутствует, а основной функционал в данном отношении выполняет членство в ООН. Международное признание при этом – политическое действие. Его наличие или отсутствие определяют геополитическую конфигурацию целых регионов. По этой причине некоторые акторы могут соответствовать всем критериям государственности и даже участвовать в международной политике, но не получать членства в ООН и признания со стороны большинства национальных государств мира. Такие международные акторы являются *de facto* государствами.

Актуальность исследования обусловлена практической сложностью разрешения проблемы *de facto* государств. Из-за отсутствия регламентированного статуса они являются очагами противоречий и нестабильности в международных регионах. В основании большинства современных *de facto* государств напрямую лежит национальный или межнациональный конфликт. В условиях отсутствия централизованной процедуры признания эта проблема будет оставаться актуальной и порождать конфликтные ситуации.

Исследовательский вопрос настоящей работы – какие факторы являются ключевыми препятствиями на пути *de facto* государств к их международному признанию. Цель исследования – определить ключевые причины сохранения за *de facto* государствами их непризнанного статуса. Теоретической рамкой исследования выступает ряд работ Д.В. Заяца, Э. Берга и Р. Тоомлы, А.Б. Себенцова и В.А. Колосова, подробно затрагивающих феномен *de facto* государств. Основные методы: исторический и статистический анализ. Для оценки интеграции *de facto* государств в международное сообщество используется также индекс нормализации/интеграции Э. Берга и Р. Тоомлы. Интеграция предполагает развитие по трём направлениям: формальная признанность, экономика и коммуникации. Ключевые гипотезы исследования, сформулированные на основании представленных теорий: (1) экономический потенциал *de facto* государства напрямую влияет на его международно-правовой статус и интеграцию в международные отношения: чем потенциал выше, тем *de facto* государство ближе к признанию; (2) наличие и активность внешнеполитического «покровителя» повышает интеграцию в международные отношения и положительно влияет на возможность признания.

История каждого *de facto* государства связана с национальным или политико-территориальным конфликтом. Кроме того, практически каждое *de facto* государство имеет своего внешнеполитического покровителя, через которого доносит собственную позицию в международном сообществе и за счёт которого получает блага. По уровню же признания условно можно разделить *de facto* государства на три группы: (1) квазипризнанные государства – Косово, Тайвань и Сахарская Арабская Демократическая Республика (САДР); (2) частично при-

знанные государства – Приднестровская Молдавская Республика (ПМР), Абхазия, Южная Осетия, Нагорно-Карабахская Республика (НКР), Турецкая Республика Северного Кипра (ТРСК); скорее непризнанные государства – Сомалиленд, Азад Кашмир.

Экономически *de facto* государства крайне неоднородны. Во-первых, их невозможно оценить объективно: большинство непризнанных государств не ведут и/или не публикуют официальных статистических данных (при изучении приходится полагаться либо на приближенные данные, либо на оценки государств-соседей). Во-вторых, ввиду недоступности многих экономических инструментов *de facto* государствам приходится прибегать к полулегальной и нелегальной внешнеэкономической деятельности и торговле. Большая часть из них вынуждена экспортировать свои товары через «покровителей». Так, ПМР выходит на мировой рынок, используя таможенные документы Молдовы [Заяц, 2020]. Исключением из этого правила является лишь Тайвань. Благодаря помощи Соединённых Штатов Америки (США) и довольно широкой дипломатической представленности экспорт из Тайваня практически не затруднён. К тому же Тайвань – высокотехнологичная и развитая страна с сильной экономикой.

В этой связи необходимо отметить, что экономическое развитие действительно положительно влияет на международную интеграцию и международно-правовой статус *de facto* государства. Однако нельзя ответственно заявить о подтверждении экономической гипотезы, так как экономические данные имеют объективные ограничения для их оценки. Таким образом, гипотеза 1 подтверждается лишь частично.

Внешиполитический «покровитель» оказывается значимым актором для существования и функционирования *de facto* государств. Страны со слабым «покровителем» (Азад Кашмир) или без такового (Сомалиленд) оказываются наименее интегрированными в международные отношения. Страны с более сильным покровителем, таким как Российская Федерация или Турция, более развиты в отношении интеграции в международное сообщество. ТРСК смог преодолеть планку бойкота благодаря силе Турции. При этом, дело не только в силе политической, но и экономической – они предоставляют наиболее выгодные условия, их валюта наиболее конвертируема, у них большие рынки сбыта. Тайвань и Косово сегодня являются лидерами по интеграции в международное сообщество и в конфигурациях их признания. Их покровители – Организация Североатлантического Договора (НАТО), Европейский Союз и США – сильные и значимые международные акторы. Исследование показало, что они ближе всего к признанию. Таким образом, необходимо отметить, что гипотеза 2 подтверждается.

В качестве ключевых факторов для международного признания *de facto* государств необходимо отметить следующие: экономическая слабость самого *de*

facto государства; политическая и экономическая слабость «государства-покровителя»; характер и интенсивность лежащего в основании конфликта; общий уровень развития региона.

Библиографический список:

Заяц Д. В. (2020) Феномен непризнанных государств в современном мире, *Географическая среда и живые системы*, 1, сс. 53-69.

Montevideo Convention on the Rights and Duties of States. URL: <https://www.jus.uio.no/english/services/library/treaties/01/1-02/rights-duties-states.html> (date of access 10.05.2024).

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОГО ТЯНЬЦЗИНЯ

Овчарук Анна Владимировна,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, Букирева, 15

Когда вопрос высокой плотности населения и нехватки природных ресурсов актуализируется достаточно остро, как, например, в Китайской Народной Республике, возникает необходимость предотвращения негативных последствий урбанизации для человека и природы. Государство начинает проводить свою экологическую политику, которая помимо принятия внутренних мер в сфере экологии, подразумевает также взаимодействие с другими национальными государствами в вопросах озеленения планеты, участие в специальных форумах, выстраивание общих стратегий экологического развития. Подобная деятельность в рамках международных отношений нередко именуется как экологическая дипломатия. Китайская экологическая дипломатия представляет предметное поле настоящего исследования.

На сегодняшний день одним из направлений политики Китайской Народной Республики является строительство эко-городов, которое представляет собой не только проведение внутренней политики КНР, но и привлечение инвестиций извне, заключение международных договоров о партнерстве, создание проектов двух и более стран в рамках созданного курса на экологическое развитие. В результате активного сотрудничества Китая и Сингапура появился эко-город

Тяньцзинь. Параллельно с возникновением города возникла проблема привлечения иностранных инвестиций. Способствует ли привлечение иностранных инвестиций в регион повышению экологичности города? С чем связана инвестиционная привлекательность этого города?

Представленный кейс китайского города Тяньцзинь был рассмотрен с точки зрения теории рационального выбора. С помощью контент-анализа были исследованы материалы последних четырех съездов Коммунистической Партии Китая с целью выявления экологических аспектов во внешней политике Китая, а через кейс-стади были рассмотрены политические аспекты экологического урбанизма в Китае на примере Тяньцзиня, а также стратегии и способы привлечения инвестиций в регион.

Результаты анализа показывают, что экологический урбанизм в Китайской Народной Республике имеет политический контекст, который заключается в том, что его реализации способствует экологическая дипломатия Китая: участие в форумах, саммитах, поиск потенциальных партнеров на данных мероприятиях. Руководство страны стремится показать себя на международной арене в качестве борца за экологию.

Экоурбанизм в данном случае явился следствием крупных вложений со стороны правительств двух государств: Китая и Сингапура, оказавшего особую инвестиционную поддержку в развитии данного эко-города, а также крупных иностранных компаний. Невысокие налоги для иностранных инвесторов, а также упрощенная процедура создания предприятия и инвестирования, делают Тяньцзинь привлекательным для партнеров. Вероятно, сотрудничество с Сингапуром в целях создания общего района, соответствующего современным стандартам и улучшающим общие экологические показатели стран, является проявлением экологической дипломатии КНР.

Библиографический список:

Алимов А. (2003) Экологическая политика и экологическая дипломатия (понятийный аппарат и отдельные проблемы), *Вестник Санкт-Петербургского университета*, 3, сс. 101-109.

Балакин В. (2009) Тяньцзинь-Биньхай: новый международный инвестиционный район КНР, *Проблемы Дальнего Востока*, 3, сс. 67-73.

Бояркина А. (2021) Экологическое направление во внешнеполитической стратегии КНР, *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*, 21(2), сс. 325-337.

Ван С. (2022) Международное сотрудничество Китая в области экологии на современном этапе, *Россия и современный мир*, 2(115), сс. 216-227

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ КОНТЕНТА ПОЛИТИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ КАК ФАКТОР МОТИВАЦИИ К УЧАСТИЮ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Васильева Дарья Александровна

Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова,
150003, Ярославль, Советская, 14

Восприятие информации в сетевом пространстве развивается стремительно и сужает пространство объективной и достоверной информации. Психолог и публицист Энтони Пратканис, посвящая книгу своему сыну, родившемуся в 1991 году, пишет: *«вероятно, он вырастет не только со здоровым скептицизмом, но и с прискорбным цинизмом относительно правдивости всего, что читает, слышит и видит»* [Аронсон, Пратканис, 2003]. Вместе с тем, социальные сети предоставляют возможность вступить в виртуальную коммуникацию большому количеству субъектов. Опираясь на труды Теодора Ньюкомба [Newcomb et al., 1969], политическую коммуникацию можно определить как интеракцию между индивидуальными поставщиками информации (контента) и его потребителями, а также как процесс, в ходе которого акторы обмениваются информацией по конкретной проблеме, заблаговременно уже владея определенной информацией о контрагенте и самой обсуждаемой проблеме. Коммуникация включает в себя применяемые дискурсивные практики, которые могут изменять результаты перцептивного и апперцептивного процессов. Изменение механизма восприятия информации, лингвистических и визуальных маркеров, ценностей, эмоций, модернизирует и процесс самой коммуникации, что, в условиях всеобъемлющего информационного потока, способно исказить общественное мнение по разным вопросам.

Цель представленного исследования состоит в определении возможности реципиентов комментировать и вступать в диалог с остальными участниками при потреблении контента. В качестве методов в ходе исследования были использованы когнитивное картирование, критический дискурс анализ и глубинные интервью.

Исследование проводилось в несколько этапов. Первый этап – анализ постов политических субъектов разных политико-административных уровней. Ключевыми объектами исследования стали Д.А. Медведев (федеральный уровень) и А.А. Капралов (региональный уровень). Используя методы когнитивного картирования и критический дискурс-анализ в ходе исследовательских процедур

были зафиксированы текстовые и содержательные параметры политической коммуникации: (1) отчетный характер текстов, лишенных эмоциональной составляющей; (2) субъекты коммуникации обоих политико-административных уровней публикуют материалы большого объема, затрудняющие процесс восприятия и оценки текста; (3) оба субъекта стремятся внести в отдельную публикацию большое количество смысловых узлов (тем); (4) в коммуникационных постах ярко выражена принадлежность субъектов; (5) настроения и отношения к описываемым событиям чаще положительное, гордое, с выражением благодарности дополнительным субъектам, в то время как яркие негативные настроения редки, либо они выражены в латентной форме.

Второй этап – проведение глубинных интервью с представителями студенческого сообщества. Общая численность выборки составила 16 студентов Ярославского государственного университета. Выборка составлена по квотному принципу – соблюдена представленность по гендерному и профессиональному критериям. В ходе глубинных интервью исследовательский акцент был сделан на эмоции и впечатления от публикаций, которые могли бы мотивировать/демотивировать реципиентов комментировать публикации. По результатам интервью были сделаны следующие выводы: (1) большая часть респондентов отмечала, что не комментирует посты из-за чувства страха перед санкциями со стороны окружения; (2) респонденты отмечали, что комментировать политизированные публикации бесполезно так как адресат обезличен (особенно в случаях страниц социальных сетей государственных структур, а не персонифицированных страницах политических субъектов); (3) эмоции от агрессивных, недоброжелательных, саркастичных постов создавали мотивацию комментировать публикацию (особенно по отношению к публикациям Д.А. Медведева); (4) акцентируя внимание на эмоциональном, а не смысловом содержании публикаций, студенты обозначали, что посты регионального уровня не вызывают интереса и желания высказать свое мнение по обозначаемой теме, если только проблема не затрагивает респондента напрямую; (5) ни один из респондентов, говоря о постах регионального депутата, не считал нужным и возможным поддержать инициативу и деятельность автора; (6) в отношении комментирования политизированного контента все респонденты обозначили, что иногда (большая часть – крайне редко) вступают в диалог с другим пользователем в комментариях; более часто такие коммуникации случаются по вопросам, относящимся к национальности, религии, внезапного перехода на оценку личности со стороны другого; (7) в случае отсутствия опыта потребления контента конкретной персоны, потребители не могут идентифицировать авторство и принадлежность к профессии, обезличенные публикации воспринимаются с осторожностью и недоверием, если они носят отчетный характер, и, если они носят оценочный характер – с негативом и дискомфортом (в отношении национальности, принадлежности к народу); (8) по

мнению респондентов понятие «политик» не имеет четких границ, так же как и «политический деятель», потребители не разграничивают статусы субъектов; к одному общему образу «политического деятеля» выработано отношение в лице всех должностных лиц, что усложняет восприятие информации и искажает его.

Таким образом, восприятие контента способствует либо внутреннему поощрению к участию в дискуссии (важно, что настроение комментариев, указываемое респондентами, чаще всего было негативным), когда тема затрагивает внутренние проблемы реципиента (в том числе и перцептивные), либо отталкивает от коммуникации – в публикациях отчетного и лишнего эмоций характера.

Библиографический список:

Аронсон Э., Пратканис Э. (2003) *Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление*, Санкт-Петербург, Прайм, Еврознак, 384 с.

Грамматика множества: к анализу форм современной жизни (2013), М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 176 с.

Newcomb T., Turner R., Converse P. (1969) *Social psychology: the study of human interaction*, London: Routledge, 616 p.

РЭП КАК КАНАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Кетова Дарья Александровна,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, Букирева, 15

На современном этапе «социальная трансформация современного российского общества ведёт к складыванию новых социальных групп с присущими только им системами ценностей, в том числе и политических» [Гатиева, 2010]. Молодежные субкультуры, основанные на хобби, играх, музыке и видах спорта, оказывают влияние на формирование личности, в том числе на формирование политических ценностей и установок. Хип-хоп субкультура, включая рэп, в российском обществе становится все более популярной и все более политизированной. Политизация российского рэпа обусловлена дискуссионностью вокруг социально-политической ситуации в государстве, а также обострением международной обстановки и геополитической нестабильности [Фролова, 2015].

Музыкальная индустрия может формировать различные мнения о политических событиях, что создает потенциальное поле исследования политических ценностей и ориентаций, артикулируемых в произведениях рэп-исполнителей. Целью исследования, таким образом, является выявление политических ценностей в творчестве российских рэп-исполнителей. В качестве методологической рамки выступает теория политической социализации (Ю. Хабермас, Н. Луман, Ч. Кули). Юрген Хабермас и Николас Луман понимают процесс политической социализации как процесс аккультурации: посредством социализации индивид через внутриличностный механизм осваивает новые ценности [Брагина, 2022]. В качестве исследуемых российских рэп-исполнителей были отобраны музыканты по критерию вариативности политических предпочтений: Тимати, Баста, Рем Дигга, Слава КПСС, Жиган, Face,¹ Oxxxymiron,² Noize MC.³ В рамках исследования были использованы эмпирические данные: тексты песен рэп-исполнителей, связанных с политической сферой, а также материалы социальных сетей, в которых происходит обсуждение творчества рэп-исполнителей.

На основе анализа текстов исполнителей можно выделить несколько блоков политических ценностей, которые артикулируются в творчестве. Во-первых, это выражение национальной идентичности через передачу чувств по отношению к Родине. Одни рэперы передают свою тесную связь с Россией, с Родиной через символические сравнения: Родина же «– это то, что внутри у каждого / С молоком матери и бабушкиными сказками на ночь», Россия как «для сына мать» (Баста, 2010). Другие же, наоборот, различают понятия родины с политическим контекстом: «Быть против власти, не значит быть против родины» [Face, 2019]. Во-вторых, еще одной политической ценностью, которую можно выявить в творчестве российских исполнителей, – это поддержание суверенитета российского государства: «Кто покусился на мой дом / Будет похоронен в нем» (Рем Дигга, 2015). В-третьих, в творчестве российских рэперов ярко выделяются такие ценности как активный гражданский протест, стремление к свободе как к политической и гражданской, так и к свободе слова. Например, Oxxxymiron⁴ в одном из своих треков затрагивает политическую ситуацию, сложившуюся на сегодняшний день в России. Российский рэп также затрагивает остросоциальные проблемы общества, а российские рэперы активно обсуждают социально-экономические проблемы общества («Я бедный русский, жду повестки, чтобы гаситься, как Цой от Афгана»).

Анализ социальных сетей рэп-исполнителей показал, что большинство слушателей рэперов обращают внимание на смысловое содержание текстов тре-

¹ Внесен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов.

² Внесен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов.

³ Внесен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов.

⁴ Внесен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр иностранных агентов

ков (критика за сложность и непонятность, похвала за органичное отражение реальности). В то же время смысловые характеристики творчества различаются по формированию установок: у одних рэперов патриотизм противопоставляется преклонению перед Западом, у других лояльность по отношению к власти оценивается как предательство гражданских свобод. Вместе с тем, можно проследить тенденцию спроса на рэп-исполнителей, их приглашают на интервью, которые, в свою очередь, набирают достаточно большие просмотры, что говорит о популярности рэпа в современной России.

Библиографический список:

Брагина Е.А. (2022) Теоретические аспекты исследования политической социализации личности, *KANT: Social science & Humanities*, 3(11), сс. 16–21.

Гатиева Л.М. (2010) Политическая социализация: основные теоретические подходы исследования, *Вестник Адыгейского государственного университета*, сс. 109-114.

Фролова Е.В. *Рэп как форма социально-политической рефлексии в современной российской культуре: препринт* WP20/2015/02. URL: https://wp.hse.ru/data/2015/09/09/1088568851/WP20_2015_02.pdf (дата обращения 10.05.2024).

ПУБЛИКУЙ И ВЛАСТВУЙ: ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА МЕДИЙНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ В ТЕЛЕГРАМ

Панчукова Татьяна Андреевна,
Воронежский государственный университет,
394018, Воронеж, Университетская площадь, 1

В эпоху цифровизации пространство политических коммуникаций диверсифицируется, вследствие чего происходит конструирование политического медиадискурса в социальных сетях и мессенджерах. По данным исследования российского сервиса статистики Телеграм-каналов TGStat за 2021 год 59% респондентов читают политические каналы [Исследование аудитории, 2023]. Популярность данного мессенджера детерминирована в том числе и обилием Телеграм-

каналов различных политических деятелей и экспертов, которые имеют возможность оперативно делиться «новостями с полей», а также давать собственные комментарии и оценки. Телеграм-каналы, таким образом, становятся платформой для политической коммуникации между властями и российскими гражданами, изучение которой способствует пониманию общественно-политической повестки в стране.

Политический дискурс может содержать различные манипулятивные технологии и использоваться в интересах узкого круга лиц, однако исследователи считают, что влияние и значимость сообщения от этого факта не уменьшаются [Басов, 2023]. В рамках настоящего исследования использовались в качестве методов дискурсивный анализ и количественный контент-анализ 1003 постов пяти представителей российской власти (Рамзан Кадыров (9), Дмитрий Медведев (7), Вячеслав Володин (5), Мария Захарова (8) и Вячеслав Гладков (6)) в мессенджере Телеграм в период с 1 июня 2023 года по 1 сентября 2023 года с целью проследить их политических дискурс. Исследовательский вопрос настоящей работы – каким образом контекст специальной военной операции влияет на особенности политической риторики указанных политиков.

Результаты исследования демонстрируют несколько закономерностей. Во-первых, самыми часто-употребляемыми словами в постах политиков стали «Россия», «они», «мы», «страны», «Украина», «НАТО», «США». Во-вторых, по итогам проведенного контент-анализа в постах Дмитрия Медведева и Марии Захаровой мы обнаружили ярко выраженную семиотическую дихотомию «свои – чужие» через имманентные ей местоимения «мы» и «они» (см. табл. 1). Благодаря данной бинарной оппозиции создается вектор ориентации в политическом пространстве, который транслируется политической элитой государства [Шейгал, 2004].

Таблица 1. Десять самых распространенных семантических единиц в постах Д. Медведева и М. Захаровой

М.В. Захарова		Д.А. Медведев	
Семантическая единица	Кол-во упоминаний в постах	Семантическая единица	Кол-во упоминаний в постах
Россия	113	Россия	33
Украина	102	Мы	19
Они	77	Они	19
Мы	74	Украина	17
США	73	НАТО	16
Киевский режим	60	Страны	14
ООН	44	Население	10
ЕС	38	США	10
Страны	35	Оружие	9
МИД	33	2022	8

В-третьих, самое употребляемое слово в постах Рамзана Кадырова – местоимение «я», которое может служить персонализированной репрезентацией говорящего. Согласно исследованию Джеймса Пеннейбекера, профессора Техасского университета, политические лидеры довольно редко прибегают к данному слову и предпочитают ему местоимение «мы» [Pennebaker, 2011]. Случай Рамзана Кадырова в этом смысле является уникальным.

Таблица 2. Десять самых распространенных семантических единиц в постах В. Гладкова

Семантическая единица	Кол-во упоминаний в постах
Нет пострадавших	600
Разрушений	410
Снаряд	401
Выпущено	355
Минометных	270
Зафиксировано	226
Артиллерийских	216
Мы	215
Село	209
Городской	197

В-четвертых, магистральным направлением риторики Вячеслава Гладкова стало освещение ситуации в Белгородской области в контексте проведения специальной военной операции. Самые распространенные словосочетания и слова в постах губернатора – «нет пострадавших», «разрушения», «снаряд», «выпущено», «минометные» и прочие (см. табл. 2). Это свидетельствует о том, что глава региона выполняет роль «прифронтового» спикера. Все наиболее часто употребляемые слова политика имеют милитаризированную коннотацию, тогда как экономическая составляющая, досуг, бизнес-среда и прочие аспекты регионального развития практически не фигурируют в постах губернатора.

Кроме того, важно отметить, что по результатам проведенного дискурс-анализа было обнаружено использование Марией Захаровой и Дмитрием Медведевым многочисленных мемов, политических фреймов, неологизмов, наблюдалось апеллирование к высказываниям классиков литературы и поэтов в целях подкрепления собственной точки зрения их тождественным авторитетным мнением по тому же вопросу.

Библиографический список:

Басов О.Н. (2020) Telegram-каналы как новые медиа и инструменты внутриэлитной борьбы, *Научно-практические исследования*, 9–3 (32). сс. 31–39.

Исследование аудитории Telegram 2021. URL: <https://tgstat.ru/research-2021> (дата обращения 10.05.2024).

Шейгал Е.И. (2004) *Семиотика политического дискурса*, М.: Гнозис, 324 с.

Pennebaker J. W. (2011) *The Secret Life of Pronouns: what Our Words Say about Us*, Bloomsbury Press, 376 p.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ

СПОРТ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Грибовод Екатерина Григорьевна, Иванов Дмитрий Сергеевич,
Институт философии и права Уральского отделения РАН,
620108, Екатеринбург, Софьи Ковалевской, 16г

Российский спорт в последние годы столкнулся с рядом вызовов и проблем, среди которых можно выделить пандемию COVID-19, ограничения для российских спортсменов на международных соревнованиях и т.д. Как отмечают отечественные исследователи, спорт превратился в репутационный и политический инструмент давления, а слова Пьера де Кубертена «О спорт, ты – мир» практически утратили свою ценность [Пономарева, Макарова, 2020]. В научном обороте и в информационной повестке все чаще встречаются такие термины, как «спортивная повестка», «допинговый скандал», «политизация спорта», «спортивная дипломатия». Одной из важных задач для развития социально-гуманитарного сектора государства становится разработка эффективной национальной спортивной политики. Кроме того, значимые международные спортивные мероприятия (Олимпийские игры, Чемпионат мира по футболу и др.) для государств, которые их проводят, становятся ресурсом мягкого воздействия, как на уровне страны, так и за ее пределами.

В связи с этим возникла потребность в комплексном изучении спорта как социо-гуманитарного механизма и компонента внутренней и внешней политики страны. Спорт влияет на формирование имиджа государства и национальной идентичности [Филонов, Юдина, 2018; Горохов, 2013], национальную безопасность [Ароян и др., 2019]. Исследователи изучают его как инструмент общественной дипломатии и ресурс мягкой силы страны [Пономарева, Макарова, 2020; Наумов, 2017], а также как элемент национальной политики памяти и мемориальной культуры [Кирчанов, 2023]. В данной работе спорт рассматривается через призму теоретического направления «исследование памяти» (memory studies). Важно отметить, что в научной литературе единого понимания концепта «политика памяти» не сложилось, так как векторы его изучения могут изменяться в зависимости от выбора мнемонических акторов (институциональные и (или) неинституциональные). В работе политика памяти рассматривается как «сфера публичных государственных стратегий в отношении способов запечатления прошлого в массовом сознании, совокупность различных практик и норм,

связанных с регулированием коллективной памяти» [Русакова, Кочнева]. Методологической базой исследования стали концептуальный подход, компаративный и структурно-функциональный анализ.

Применение практик, норм и инструментария политики памяти при анализе спорта в целом позволит решить сразу несколько задач. Во-первых, выявить важные спортивные достижения, мероприятия и персоналии, которые обладают исторической ценностью и символическим капиталом. Во-вторых, обозначить значимых мнемонических акторов, формирующих инфраструктуру памяти о спортивном наследии страны. В-третьих, определить ключевые коммеморативные практики, направленные на сохранение и репрезентацию спортивного наследия страны с целью воспитания чувства гордости и патриотизма, повышения мотивации у граждан заниматься спортом и вести здоровый образ жизни. При этом стоит отметить, что применение стратегий и практик, разработанных в рамках исследований памяти, должно быть четко продуманным и осторожным, чтобы минимизировать потенциальные риски и негативные последствия (в частности, фальсификацию и манипулирование массовым историческим сознанием) при коммеморации спортивных событий и персоналий прошлого. Так, практики «забвения» и «вытеснения» могут применяться мнемоническими акторами при конструировании национальной политики памяти путем исключения из официального дискурса исторического события, персоналии и (или) изменения темпоральной границы общественной дискуссии по поводу конкретного факта [Грибовод и др., 2018].

Реализуемую российскую политику памяти в области спорта можно рассмотреть, в том числе, на примере коммеморации значимых спортивных событий и персоналий. Как отмечают О.Ю. Малинова и А.И. Миллер «коммеморация исторического события опирается на сложившуюся социально-культурную инфраструктуру памяти и вместе с тем предполагает ее достраивание» [Малинова, Миллер, 2021]. Так, в инфраструктуру российской политики памяти в области спорта инкорпорированы следующие художественные фильмы: «Легенда № 17», «Движение вверх», «Стрельцов», «Лев Яшин. Вратарь моей мечты», а также музыкальные произведения, например, как «Марш физкультурников», «Футбольный марш» М. Блантера и др. Таким образом, можно констатировать, что в России современное спортивное коммеморативное пространство и историческая политика опираются на увековечивание спортивных достижений Советского Союза.

В заключение отметим, что исследования, посвященные проблематике спорта в контексте мемориальной культуры и исторической политики, крайне фрагментарны и находятся на начальном этапе развития. Кроме того, спорт в целом и спорт высших достижений в частности обладает высокой символической

ценностью, а также может быть рассмотрен как фактор укрепления официальной политики памяти и национальной идентичности.

Библиографический список:

Ароян А.С., Довгань Е.А., Довгань Ю.Е. (2019) Роль и влияние спорта на национальную безопасность, *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, 1, сс. 222–227.

Горохов В.А. (2013) Национальные идентичности в глобальной спортивной культуре: вызовы Сочи-2014 для олимпийской команды России, *Журнал социологии и социальной антропологии*, 16 (5), сс. 71–86.

Грибовод Е.Г., Ковба Д.М., Моисеенко Я.Ю. (2018) Национальная политика памяти в современной России: основные тенденции и инструменты, *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 2(31), сс. 123–132.

Кирчанов М.В. (2023) Восприятие Чемпионата мира по футболу 2022 г. в Катаре в арабской либеральной аналитике как форма политики памяти, *Социум и власть*, 1, сс. 74–84.

Малинова О. Ю., Миллер А. И. (2021) Введение. Символическая политика и политика памяти, *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. сс.7–37.

Наумов А.О. (2017). Спортивная дипломатия как инструмент «мягкой силы», *Мировая политика*, (4), сс. 32–43.

Пономарева Е.Г., Макарова Л.В. (2020) Политические технологии спортивной дипломатии, *Обозреватель*, (8), сс. 30–44.

Русакова О.Ф., Кочнева Е.Д. (2017) Оценки октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти, *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 3-4, сс. 17–30.

Филонов В.И., Юдина А.В. (2018) «Спортивный фактор» в формировании имиджа современного государства, *Среднерусский вестник общественных наук*, 13(5), сс. 163–179.

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ОТНОШЕНИИ ТОМАСА ДЖЕФФЕРСОНА В США В XXI ВЕКЕ

Минайленко Полина Алексеевна,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Коллективные воспоминания общества играют значимую роль в политическом процессе: они отвечают за идентичность индивидов и их интеграцию, а также могут объяснять и легитимизировать проводимый политический курс [Олик, 2012]. В XXI веке именно историческая память американцев стала причиной сносов монументов, переименования общественных мест, названных в честь исторических лиц, изменения учебных программ, введения исторических законов и подобные явления. Личности, связанные с войной за независимость и национальным строительством, являются наиболее популярными в общественном сознании современных американцев [Yamashiro, Van Engen, Roediger, 2019].

Рассмотрение в контексте политики памяти одного из отцов-основателей, третьего президента США Томаса Джефферсона, долгое время представляющего собой исключительно позитивный символ [Курилла, 2017] и являющегося автором одного из мифообразующих для американцев принципа «все люди созданы равными», позволит получить общие представления о политике памяти в США, о направлении её сегодняшней трансформации. Целью исследования является выявление характерных черт политики памяти в отношении Томаса Джефферсона как одной из наиболее известных и символических для американцев личностей. Под политикой памяти здесь и далее понимается часть символической политики, в которой участвуют как государственные, так и негосударственные силы, стремящиеся утвердить конкретные нарративы о прошлом посредством изменения публичного поля [Малинова, 2021]. В основе исследования лежит структурно-функциональный подход, позволяющий выявить важные элементы политики памяти: стратегические установки, символы и нарративы, институциональная и нормативная основа, акторы и средства массовой информации, итоги проведения стратегии [Грибовод, Ковба, Моисеенко, 2019].

В ходе исследования было выявлено, что существенный пересмотр взглядов в отношении Томаса Джефферсона начался в середине 2010-ых годов, однако предпосылки для пересмотра зародились ещё в конце XX века, когда на академическом уровне сформировались две интеллектуальные школы, по-раз-

ному оценивающие роль отцов-основателей: «прогрессисты», которые критически относились к первым государственным деятелям, и «оригиналисты», позитивно или нейтрально определяющие их роль [Kraynak, 2015].

Современная общемировая тенденция на политизацию этничности и применение насилия на почве расовой ненависти по отношению к чернокожим в США стали катализатором для пересмотра в 2010-ых годы официальных исторических нарративов, в том числе связанных с Т. Джефферсоном. С этого момента мнение о Т. Джефферсоне не только становится менее монолитным, но и трансформируется в некий партийный маркер: демократы более критично оценивают его личность, в то время как оценка республиканцев крайне позитивна [YouGov, 2021; YouGov, 2022]. Разница оценок находит своё отражение в партийных стратегиях политики памяти. Отдельные коалиции Демократической партии и связанные с ними движения (в особенности Black Lives Matter) посредством различных практик (Проект 1619, реконструкция Монтичелло, петиции и прямые действия по переименованию и изъятию из общественных мест объектов, связанных с Т. Джефферсоном) вводят в общественный дискурс нарратив о том, что Т. Джефферсон в первую очередь был расистом и рабовладельцем. Республиканцы же в качестве ответа предпочитают усиливать уже сложившиеся в русле глорификации сюжеты о третьем президенте США: комиссия «1779» и запрет преподавать в государственных школах критическую расовую теорию являются контрдействиями на стратегию противников.

Важную роль в современной политике памяти о третьем президенте США играют СМИ: The New York Times, The Washington Post, the Atlantic публикуют материалы по большей части критикующие Т. Джефферсона, в то время как NBC News, Fox News и The New York Post занимают консервативную позицию Республиканской партии. Особенно на фоне других выделяется The New York Times, ставший площадкой для публикации и продвижения резонансного Проекта 1619, который можно считать одной из наиболее изменивших мнемоническое поле практик в США.

Таким образом, оценка Т. Джефферсона перестаёт быть исключительно позитивной. В американском обществе появляются новые нарративы, связывающие его личность, в первую очередь, с рабовладением, что позволяет говорить о том, что переоценка личности идёт в общенациональном русле включения в публичное поле истории чернокожего населения. Это подтверждается и тем, что в большинстве стратегий нет отдельных проектов, ставящих целью пересмотр исключительно Т. Джефферсона. Только реконструкция Монтичелло и снос двух памятников отцу-основателю связаны полностью с ним, тогда как остальные проекты демократов и активистов трансформируют личность президента в контексте пересмотра всего официального американского канона. Важно отметить

также, что отношение к Т. Джефферсону коррелирует во многом с партийной принадлежностью американцев, а радикальная позиция, не приемлющая нахождения в мнемоническом поле иных нарративов, у наиболее активных сторонников партий приводит к тому, что режим памяти в США на данном этапе является скорее антагонистическим, нежели агонистическим [Летняков, 2022].

Библиографический список:

Грибовод Е.Г., Ковба Д.М., Моисеенко Я.Ю. (2019) Политика национальной памяти на постсоветском пространстве: подходы и практика, *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 2 (35), сс. 28–41.

Курилла И.И. (2017) *Историческая память в США*. Arzamas Academy. URL: <https://arzamas.academy/materials/1337> (дата обращения 10.05.2024).

Летняков Д.Э. (2022) Режимы исторической памяти: от гегемонизма к агонизму, *Политика и Общество*, 1, сс. 45–53.

Малинова О.Ю. (2021) Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации, *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы*, СПб.: Изд-во Европейского университета, сс. 26–39.

Олик Дж. (2012) Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии, *Социологическое обозрение*, 11(1), сс. 40–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/figuratsii-pamyati-protseppo-relyatsionnaya-metodologiya-illyustriruemaya-na-primere-germanii> (дата обращения 10.05.2024).

Kraynak R. *The American Founders and their relevance today*. Intercollegiate Studies Institute. Режим доступа: <https://isi.org/modern-age/the-american-founders-and-their-relevance-today/> (date of access 10.05.2024).

Yamashiro J., Van Engen A., Roediger H. (2019) American origins: Political and religious divides in US collective memory, *Memory Studies*, 15(1), pp. 1–18.

YouGov. June 2021. Daily Survey: Presidential Favorability. URL: https://docs.cdn.yougov.com/q4og2niq39/tabs_Presidential_Favorability_20210715.pdf (date of access 10.05.2024).

YouGov. June 2022. Daily Survey: Historical Figures. Режим доступа: https://docs.cdn.yougov.com/0ywx4fsn1y/tabs_Historical_Figures_20220531.pdf (date of access 10.05.2024).

ЗАБВЕНИЕ ТРАВМАТИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО: ОТЗЫВ ПРОКАТНОГО УДОСТОВЕРЕНИЯ У ФИЛЬМА «ГОЛОД»

Фисюков Вячеслав Александрович,

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
630090, Новосибирск, Пирогова, 2

Документальный фильм «Голод» 2022 года повествует о голоде в Советском Союзе в начале 1920-ых годов, который унес жизни более пяти миллионов человек. В сентябре 2022 года авторы фильма получили прокатное удостоверение, но уже в ноябре приказом Министерства культуры Российской Федерации его отозвали из-за многочисленных жалоб граждан [Realist Film.Info, 2022].

Актуальность настоящей исследовательской работы состоит в анализе специфического примера исторической политики: фильм сначала получил прокатное удостоверение, но почти сразу лишился его. Изучение такого механизма расширит представление о ресурсах, применяемых правящей элитой «в сфере истории и политики памяти» [Миллер, 2012]. Задача исследования – аналитически рассмотреть процесс отзыва прокатного удостоверения у фильма «Голод» как инструмент исторической политики. В рамках исследования были использованы следующие источники: (1) обоснование отзыва прокатного удостоверения Министерством культуры Российской Федерации в виде официального уведомления и разъясняющего комментария; (2) новостные репортажи, авторские блоги и статьи, аргументирующие подобное решение.

Методология исследовательской работы синтезирует два теоретических подхода. Первый – метод критического дискурса-анализа Т. Ван Дейка: учет содержания заголовков; стиля лексики и подбора слов; выделение семантических уловок; способов выстраивания положительной саморепрезентации «нас» и акцентирования негативных действий «их» [Ван Дейк, 2013]. Эти методы применялись для анализа аргументов в пользу отзыва прокатного удостоверения. Второй подход объединяет элементы двух таксономий забвения. Из системы А. Ассман взят термин «структурное насилие» – ограничения доступа определенных социальных групп к общественным и культурным ресурсам [Ассман, 2019]. Из типологии П. Коннертона – понятие «агентов», навязывающих одни ценности и «стирающих» память о других: будь то государство в целом, правящая партия или же музейные работники, особым образом расставляющие экспонаты [Connerton, 2008].

Решение об отзыве прокатного разрешения в Министерстве культуры Российской Федерации аргументировали наличием в фильме материалов, запрещенных законом. В последующем комментарии уточнялось, что эта мера принята из-за жалоб граждан, усмотревших в киноленте «провокационную и шокирующую» информацию, способную вызвать «негативную реакцию в обществе» [RealistFilm.Info, 2022]. Однако в уведомлении не указано, что именно противоречит закону – информацию, что именно посчитали неуместным, обнаружить не удалось.

Ранее, при подготовке фильма, авторов не пускали в музеи из-за «отключения электричества»; все связанное с голодом оказывалось «опломбированным». В интервью для этого исследования историк Ю.Ю. Хмелевская, один из экспертов фильма, отмечала, что составление всех официальных писем и документов не гарантировало доступ в места, связанные с предметом фильма. После жалоб казаков полиция задерживала съемочную группу и проводила опись техники. Экспертам советовали отказаться от интервью. Показы фильма срывались из-за «поломки проектора», затем авторам рекомендовали «найти другую площадку» [RealistFilm.Info, 2022].

Сторонники отзыва прокатного разрешения считают, что в киноленте преувеличена роль зарубежной помощи в борьбе с голодом, авторы «пытаются уйти в эмоции» и соответственно подобрали документы [Бобылкина, 2022]. Часто в описании их позиции используются слова «якобы», «заказчик» с намеком или прямым обвинением в иностранном финансировании, «ненаучный и необъективный».

Стоит отметить, что при обосновании правильности этого решения авторы в основном упоминали не уведомление ведомства со ссылкой на подпункт «д» пункта 20 Правил выдачи прокатных удостоверений (выявление в фильме материалов, запрещенных законом), а разъясняющий комментарий с указанием на жалобы граждан. При этом в «Правилах» среди оснований для отзыва удостоверения нет подпункта о жалобах граждан (Правила выдачи, отказа в выдаче и отзыва прокатного удостоверения, 2016).

В настоящей исследовательской работе травма понимается как процесс, влияющий на отношение людей к прошлому и их восприятие настоящего и будущего [Ушакин, 2009]. Ограничение показа фильма «Голод» – пример исторической политики, контролирующей такое воздействие травматического прошлого. Трактовки, выходящие за рамки официального нарратива, подвергаются забвению. Причем не в виде запрета, а в форме ограничения доступа к ним ши-

рокой аудитории и с помощью действий «агентов структурного насилия»: от государственных органов власти до руководства музеев, казачьих обществ и кино-театров, а также общественности.

Библиографический список:

Ассман А. (2019) *Забвение истории – одержимость историей*. Москва: Новое литературное обозрение. 552 с.

Бобылкина Я. «Пропагандистский проект»: историк Григорий Циденков – о том, почему Минкульт мог запретить прокат фильма про голод в Поволжье. URL: <https://dailystorm.ru/mneniya/nenauchnyu-celikom-propagandistskiy-proekt-istorik-grigoriy-cidenkov-o-tom-pochemu-minkult-mog-zapretit-prokat-filma-pro-golod-v-rovolzhe> (дата обращения 10.05.2024).

Ван Дейк Т. (2013) *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*, Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 352 с.

Миллер А.И. (2012) *Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. Историческая политика в 21 веке*, Москва: Новое литературное обозрение, 648 с.

Ушакин С. (2009) «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах, *Травма: пункты: Сборник статей*, Москва: Новое литературное обозрение, сс. 5–45.

Connerton P. (2008) Seven types of forgetting, *Memory studies*, 1(1), pp. 59–71.

RealstFilm. 2022. Минкульт РФ отозвал прокатное удостоверение у документального фильма «Голод». URL: <http://realistfilm.info/news/minkult-rf-otozval-prokatnoe-udostoverenie-u-filma-golod.html> дата обращения 10.05.2024).

RealstFilm. 2022. «Низовая борьба за историческую память». Александр Архангельский, Татьяна Сорокина, Максим Курников об отмене показа фильма «Голод» в сети «КАРО». URL: <http://realistfilm.info/news/nizovaja-borba-za-istoricheskiju-pamjat-aleksandr-arhangel'skij-tatjana-sorokina-maksim-kurnikov-ob-otmene-pokaza-filma-golod-v-seti-karo.html> (дата обращения 10.05.2024).

КОНЦЕПЦИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ДОКТРИНЕ СЕН-СИМОНА

Зверева Мария Семеновна,
Московский государственный университет,
119991, Москва, Колмогорова, 1

Кризисная ситуация – нормальное состояние системы в периоды перехода, адаптации и реорганизации. Процесс управления кризисной ситуацией и выхода из него может стать решением проблемы и может привести к переходу системы на новый качественный уровень или усугубления кризисной ситуации в случае, если вариант преодоления был выбран неверно. Проблематика кризисов и выходов из него не является новой – подобные концепции можно встретить в трудах мыслителей прошлого. Анри де Сен-Симон, французский социолог-утопист XIX века, разработал и описал законы исторического развития общества, причины возникновения политического кризиса и пути выхода из него через организацию индустриальной системы. Моральной основой нового общества должны стать принципы христианства, переработанные и лишённые метафизики.

Цель настоящей работы – выявление принципов выхода из кризисной ситуации в учении Анри Сен-Симона и возможной актуальности их применения. Методическими основаниями исследования стали традиционный анализ документационных источников, посредством которого выявлены основные стадии развития общества согласно Анри Сен-Симону и возможные пути его реорганизации, а также общие принципы преодоления кризисной ситуации.

В теории Сен-Симона общество развивается постепенно, переходя с одного этапа на другой, в основе которых лежит определённая форма социально-экономической эксплуатации человека человеком. При переходе на последующую стадию, общество поднимается на качественно новую ступень развития, что обусловлено, преимущественно, развитием промышленности.

Именно в индустриальной системе Сен-Симон видит причину возникновения и эскалации кризиса политического порядка. Положение кризиса, по его мнению, продлится ровно до тех пор, пока новая промышленная система не вступит в силу. Коренные изменения должны произойти не только во внешней политической и экономической среде, но и внутри самого общества. Сен-Симон отвергал любой вариант насильственного перехода – общество самостоятельно должно понять необходимость своей реорганизации и важности индустриальных акторов и научно-технологических акторов, играющих важную роль в экономической трансформации.

Вместе с тем, ключевым управленческим фактором в подобной модели становится просвещенный правитель. Подобный подход объясняется тем, что главным механизмом работы системы общества Сен-Симон считал идею, ценности, представления. Политика в таком обществе становится «позитивной», то есть приближенной к науке, полезной для общества, лишенной метафизики. Цель политики в таких случаях – установление порядка социальных вещей, наиболее благоприятного всем видам производства. Главенствующую роль в теории Сен-Симона в данной связи играл научный прогресс, при этом его ученики делали акцент на принцип кооперации и развитие нравственности.

Калькировать подход Сен-Симона и неизменно переносить на современные реалии, конечно, представляется невозможным ввиду изменения социально-экономических и политических условий. Кроме того, современное общество стремится к информационной эпохе, что не сопоставимо с описанным Сен-Симоном индустриальным обществом. Тем не менее можно найти общие тенденции в повышении ценности информации как новой формы капитала и в современном мире. Сен-Симон предлагал рационализировать систему идей и достичь позитивной науки. Проводя параллель с современностью, можно обозначить возрастающее значение науки и просвещения не только как основного двигателя прогресса и развития промышленности, но и как новую идейную основу общества. В таком случае владение и управление информацией становится не только возможным путем разрешения кризисной ситуации, но и регулирования общества в целом.

Библиографический список:

Бехманн Г. (2010) *Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний*, М.: Логос, 248 с.

Кастельс М. (2017) *Власть коммуникации*, Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 564 с.

Сен-Симон К.А. (1948) *Избранные произведения*. Ленинград: Изд-во Академии наук СССР.

Anderson K.M., Zvereva M.S. (2023) In Search of Harmony: The Idea of Social Harmony in the Writings of Early Socialists, *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 1, сс. 49-62.

ФРАНКИЗМ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ИДЕОЛОГИЯ

Юберова Мария Алексеевна,
Удмуртский государственный университет,
426034, Ижевск, Университетская, 1

Режим Ф. Франко оставил глубокий след в истории Испании. Изучение периода его правления помогает понять проблемы, стоящие перед современной Испанией. Изучение режима Ф. Франко является частью более широкого процесса изучения истории Европы, что позволяет лучше понимать глобальные процессы. Целью данного исследования является изучение франкизма для понимания влияния на современный политический процесс в Испании. Исследование базируется на использовании материалов ученых: Хавьера Касалс Месегера, Энрике Морадиейоса, Дэвид Марсильяси и других.

Установлению определенного политического режима способствуют определенные обстоятельства. Еще в первой половине XIX века в Испании возникает движение карлистов, которое явилось уникальным в европейской политической системе того времени, прежде всего, крайне реакционными идеями. Карлисты были важной военной и политической силой в Испании до 1936 года. Вместе с тем, их консерватизм и монархические идеи несколько противоречили республиканской идеологии, установившейся в Испании в 1931 году.

Второе значимое условие и обстоятельство, которое привело к установлению франкистского режима, – это миф об опасности социализма и коммунизма. Внешней причиной этих опасений и дальнейшей поляризации испанской политической жизни были социальные волнения, вспыхнувшие в Мадриде и Барселоне летом 1917 года. Вместе с тем, в долгое межвоенное время в Испании наблюдается социальная и экономическая стагнация, а также отсутствие потенциала со стороны национального правительства по разрешению экономических и этнических конфликтов, которые актуализировались в подобном контексте между всей страной и богатыми промышленными регионами – Каталонией и Страной Басков.

Кроме того, необходимо отметить роль армии в политическом процессе Испании. Во внутренней жизни страны испанская армия не имела себе равных в Европе – ее военно-техническая слабость не мешала ей играть важную роль во внутривнутриполитической жизни, поскольку она нередко обеспечивала легитимность проведенных (и нередко сфальсифицированных) выборов. В данном ключе значимую роль в последующем установлении режима Ф. Франко сыграла диктатура Мигеля Примо де Риверы. Генерал был привержен идеологии «национального

католицизма», считая католицизм «неотъемлемой частью души испанцев». В годы его диктатуры пропаганда несла выработанный веками «испанский национальный характер», всячески противопоставляя его «анти-испанизму». Наконец, необходимо отметить, возникающие в Испании в 1930-ые годы прото-фашистские и фашистские организации. Ярким примером выступает создание Хосе Антонио Примо де Риверой «Испанской фаланги», которую в последствии и возглавит сам Франциско Франко.

Политический режим Ф. Франко может быть определен через концепцию военной диктатуры. Характерными чертами франкизма являются антикоммунизм, значимая роль принципов и норм католической морали в общественной и культурной жизни, монархизм, корпоративизм, авторитарная власть. Однако, помимо этого, авторы-исследователи франкизма утверждают важную идеологическую роль франкизма.

Идеология франкизма основана на так называемой концепции «Испанидада». Данная концепция основывается на испанской идентичности и сохранении испанской самобытности через испанское происхождение народа; испанскую культуру и испанский язык. Первым аспектом концепции является утверждение в первый послевоенный период явно воинственного «Испанидада», основанного на утверждении воли к империи и воинствующем католицизме. Режим возродил испанское воображение благодаря распространению постулатов Рамиро де Маэсту, который связывает значимость Испании в мире с испанским гением, религиозными ценностями католицизма и ностальгией по латиноамериканской империи.

Для официального франкистского дискурса ядерная идея империи и доктрина Испанидада формулируют путь преодоления кризиса старого испанского национализма, основанного на исключительном утверждении испанской родины. Имперское призвание включает в себя идею великой Испании, объединенной и централизованной абсолютной и католической монархией, в которой подвиг завоевания и колонизации, совершенный кастильскими идадьго, сегодня вновь воплощается в крестовом походе победителей войны против своих врагов Испании и поэтому предвещает блестящее будущее.

Испанидад предлагал надежду на открытие внешнего мира и будущего через проект испаноязычной сверхнациональности. С момента создания своей партии в 1933 году фалангисты проявляли подлинные имперские амбиции, материальная реализация которых ограничивалась колонизацией Африки и превращением американского континента в зону политического, экономического и культурного влияния. Развертывание активной пропаганды, основанной на сложном своде доктрин, связующим звеном которого был Испанидад, стало важнейшим ключом к продолжительности и выживанию диктаторского режима.

Библиографический список:

Бобрик Д.В. (2011) Концепция «Испанидад» и «испанского» в философском дискурсе XX века. URL: https://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/20751/Bobrik_D.V..pdf?sequence=1&ysclid=m0t723r389409908467 (дата обращения 10.05.2024).

Вишперман В. (2000) *Европейский фашизм в сравнении: 1922-1982*, Новосибирск: Сибирский хронограф, 140 с.

Хью Т. (2003) *Гражданская война в Испании в 1936-1939 годы*, М.: ЗАО Центрполиграф, 576 с.

Научное издание

**Ассамблея молодых политологов. Кризисы и конфликты:
политические вызовы реальности
и современные вызовы политологии**

Материалы
всероссийской научной конференции
(г. Пермь, ПГНИУ, 27-28 октября 2023 г.)

Ответственный за выпуск: *М. В. Грабевник*
Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка: *М. В. Грабевник*

Объем данных 1,50 Мб
Подписано к использованию 16.10.2024

Размещено в открытом доступе
на сайте www.psu.ru
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Управление издательской деятельности
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15